ПК 525
.0498

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.
№

Р.Д.Р. № 40

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОКТЯБРЬСКАЯ КОМИССИЯ
СОКОЛЬНИЧЕСКОГО РАЙОНА.

185

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ
В СОКОЛЬНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ

903/446/П.

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
УЧАСТНИКОВ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ГУБСОВПАРТШКОЛА
№ 8133

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. МОСКВА—1922.

3 экз

Н
1986
ГК 525
0 499 р
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС
255684
809
2002
КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
259 1827
38

Главлит. № 2386. Печ. 5000 экз.

Типография Издательства „Красная Новь“, Милютинский пер. 22.

Сокольнический район в нынешних своих границах состоит из старого Сокольнического района (включившего два подрайона: Алексеево-Растокинский и Богородский), из главной массы железнодорожного района (дороги Николаевская, Северная и Московско-Казанская) и части Городского района.

Воспоминания участников Октябрьской революции расположены в этом сборнике в такой последовательности: впереди идут воспоминания работников Сокольнического района, далее следуют воспоминания работников бывш. Железно-дорожного района, затем Городского района. Заканчивается сборник — воспоминаниями о погибших в Октябрские дни...

Здесь собраны воспоминания активных работников Октябрьского восстания... Большинство записавших пережитое и виденное — рабочие, со станка пошедшие в бой и к станку вернувшиеся после победы.

Октябрьская Комиссия Сокольнического района, считая каждое воспоминание рабочего, ценным и, как исторический документ, и как яркое выражение пережитого считала излишней литературную обработку материала — она подвергла ее только небольшой внешней отделке.

Октябрьская Комиссия

Сокольнического района.

Сокольнический район в октябре.

Рабочий класс России начал свою революцию в октябре почти безболезненно. Кровь, пролитая им в те дни, оказалась каплей по сравнению с кровавыми потоками, которыми окрасились последующие годы гражданской войны. Но московские бои октября, как известно, были наиболее упорными и затянулись на целую неделю, и потому победа в Москве решила судьбу революции. Сокольничий район имел на фронте революции свой боевой участок, действовал на нем с честью и завоевал себе несколько почетных страниц в истории октября. Последующие строки являются попыткой заполнить эти страницы по воспоминаниям непосредственных участников, и их следует принять как коллективное изображение важнейших моментов Октябрьских дней в районе.

1. РАЙОН ДО ОКТЯБРЯ.

Сокольничьий район охватывал до Октябрьской революции территорию города и пригородных селений от Крестовской заставы через Сухареву башню, Красные ворота, район вокзалов до Преображенской заставы и включал 5 милицейских участков и 2 муницип. района (2 районных управы). Пригородная часть района была разделена на два подрайона—Алексеево-Ростокинский и Богородский. Его соседями были с западной, южной и восточной

стороны районы—Сущевско-Марьинский, Городской, Басманный и Лефортовский. Существовавший в то время внетерриториальный железнодорожный район имел свои главные массы (4 жел. дороги из 8) и центр на территории Сокольничьего района. По количеству фабрик и заводов и по размерам их район является рабочим—15 крупных предприятий с числом рабочих более 500, из них 4 (Сокольничьи мастерские, завод Михельсона, Богатырь и Абрикосовская фабрика) имели каждое от 2 до 5 тысяч и полсотни средних и мелких (от 50 до 500 рабочих). Кроме того район имел ряд крупных учреждений с большим служебным штатом—4 больших больницы и несколько мелких, 3 крупнейших богадельни, несколько десятков других учреждений призрения (приютов, убежищ и т. п.). Лицо района далее определяется тем, что подавляющая часть—до половины—рабочих и служащих района работала и служила в городских предприятиях и учреждениях (2 трамвайных парка, 3 конных парка, канализацион. участок, садовый питомник, больницы и т. д.) и входила в союз городских служащих и рабочих. Следующую по значительности группу составляли металлисты (Сокольничьи мастерские, Михельсон, Швабе, Вартце-Макгилль, Земгор, Автомобильный и ряд более мелких). Далее пищевики (фабрики и заводы—конфектные, чаеразвесочные, пивоваренные, мукомольные, макаронные и др.). Химики, текстильщики, кожевенники выделялись лишь отдельными крупными предприятиями (Богатырь, Вофси). Наконец, в районе были 2 значительных скопления воинских частей—в Суворовских казармах (самокатчики и телеграфно-прожекторный полк) и в селе Богородском (3 батареи) и несколько мелких военно-автомобильных и инженерных учреждений.

Ядром района были Сокольничьи трамвайные мастерские. Здесь мы имели около 5 тысяч рабочих металлистов. Правда, в большей части это были

Здание Сокольнического Районного Совета, на 8-ой Сокольнической, №31,
где помещался Революционный Комитет и Штаб в Октябрьские дни.

металлисты военного времени, но основной кадр мастерских составляли закаленные потомственные пролетарии. Здесь мы имели первую после февральской революции и позднее самую крупную партийную ячейку. Мастерские начинали первыми все политические забастовки и шли во главе всех демонстраций. Здесь был центр формирования и обучения Красной Гвардии, и здесь образовался центр боевых формирований в Октябрьские дни. Сокольнические мастерские были хребтом нашей организации до октября и нашей военной крепостью, в подлинном смысле, в октябре. Отсюда-же вышли наши лучшие передовики-рабочие, руководящие районом от февральской революции до последних дней—т.т. *Котов, Андреев, Ростовщиков, Шумкин, Герасимов, Бабаев, Сиомук, Максимов, Григорьев, Королев и др.* Все названные товарищи, за исключением тов. *Бабаева,* умершего от горловой чахотки, и *Сиомука,* погибшего на продовольст. работе, счастливо вышли и из октябрьских боев, и из боев на позднейших фронтах, без существенных повреждений (т. *Королев* имел 6 ранений) и работают по сие время.

Второй крупной ячейкой района был Сокольничий (ныне Русаковский) трамвайный парк, также сыгравший большую роль в октябре. Наконец, следует отметить небольшую числом, но сильную революционным духом, ячейку завода Вартце-Макгилль. Отсюда вышел рабочий-герой Сокольничьего района, тов. *Емельян Маленков,* высокой чистоты и честности пролетарий, неутомимый боец-революционер, начальник одного из октябрьских отрядов, первый председатель полновластного Совета в районе, командир первого революционного добровольческого отряда на германском фронте, сложивший осенью 1918 года свою голову на восточном фронте. Его именем названа в районе бывшая Ивановская улица и завод, где он работал, но было бы справедливо его имя присвоить всему району. Та же ячейка дала

и другого заметного товарища—*Березнева,* погибшего в 18 году от шальной пули во время военного обучения.

Все бурные месяцы революционного кипения от февраля до октября Сокольнический район держался на первой линии вместе с другими передовыми районами г. Москвы. Уже с конца мая на отдельных предприятиях, особенно в Сокольничьих мастерских, началась организация Красной Гвардии и военное обучение. После июльских дней был организован районный центр Красной Гвардии. Была выделена тройка—т.т. *Маленков, Максимов* и *Журавлев.* Главным местом для обучения были избраны Сокольничьи мастерские. Обучение пошло успешно. Удалось достать 7—8 винтовок. Из ячейки выдвинули человек 6 инструкторов и повели ежедневные регулярные занятия. Обучалась вся ячейка мастерских, около 100 чел., и много товарищей из других ближних ячеек. После корниловского выступления обучение пошло еще энергичнее. Ячейка Сокольничьего парка организовала у себя самостоятельное учение. Как в мастерских, так и в парке к обучению были привлечены и наиболее надежные беспартийные.

Политическая атмосфера накалялась. Уже в корниловские дни в рядах рабочих-коммунистов района раздавались голоса за немедленное выступление. Но с оружием дело было плохо. Была попытка использовать для получения оружия тройку, организованную в районе по общей директиве для отпора ожидавшемуся контр-революционному выступлению Корнилова. В районную тройку входили 2 большевика: т.т. *Русаков* и *Сара* и меньшевик—председатель районного Совета—*Великовский.* Однако известно, что вовлечение меньшевиков в эти тройки реальной помощи вооружению рабочих не оказало и помогло лишь разоблачению меньшевистского предательства. Ту же роль сыграла, организованная нами после корниловского выступления, делегация

представителей фабрик и заводов района в Московский Совет с требованием о вооружении. Делегаты вернулись, возмущенные своей неудачей и даже заявляли, что в Совет больше не пойдут. Все попытки добыть оружие до Октябрьских дней успеха не имели. В октябрьские бои район вошел без оружия.

Дружная, единодушная забастовка в дни государственного совещания перед корниловщиной показала, что рабочая масса района целиком на нашей стороне. Массу волновала затяжная забастовка кожевников, она видела в ней явный саботаж фабрикантов, сборы в пользу рабочих-кожевников пользовались большим успехом. В сентябре стали поговаривать о забастовке городских рабочих и служащих. В начале октября по заданию М. К. была проведена кампания по выяснению настроения на фабриках и заводах под лозунгом—„буржуазия саботирует—пролетариату необходимо сдерживать себя, накапливать силы". Эта кампания выявила значительную силу революционного настроения в рабочих массах района. О том же свидетельствовали и другие весьма показательные признаки. До корниловских дней большинство массы слепо шло за меньшевиками и эс-эрами. Советы были в их руках. Выборы в городскую думу дали им большинство. После корниловского выступления рабочая масса круто повернула фронт. Вместе с массой изменил свое лицо и районный совет. В сентябре на одном из его пленумов произошло неожиданное событие—пленум принял резолюцию нашей фракции о вооружении рабочих, несмотря на отчаянное сопротивление меньшевистско-эсеровского исполкома. На следующих пленумах повторилась такая же история: неизменно принимались наши резолюции, что свидетельствовало о завоевании нами большинства, хотя зарегистрированное число членов фракции большевиков составляло меньшинство совета. На одном из пленумов перед Октябрьскими днями мы

закрепили эту победу перевыборами районного исполкома, куда уже вошло приблизительно 9 большевиков, 4 меньшевика и 2 эсера. Выборы в районную думу показали, что за нами идут не только рабочие, но и значительные обывательские массы. Мы завоевали в думе 21 место из 40, наши враги вкупе—всего 19. Овладеть этими новыми позициями нам помог предвыборный инструкторский аппарат, целиком захваченный нами. Во главе его была тов. *Эмма Черняк*. Из 9 ответственных инструкторов мы имели 8 большевиков, все вместе с руководительницей—активные бойцы октября (т. т. *Медведь* — теперь Нач. МОГПУ, тов. *Мессинг*—Нач. ПОГПУ, т. т. *Филиппов, Чистяков, Галято, Виндзберг, Митрофанов, Кунина*). Инструктора устанавливали связь с каждым кварталом, с каждым домом через жильцов наиболее нам сочувствующих. Этот же инструкторский аппарат проводил затем предвыборную кампанию в учредительное собрание.

Следует признать, что слабым местом района была связь с воинскими частями. Для работы в воинских частях, М. К. имел особую военную организацию, которая мало опиралась на райкомы. Были у нас и свои местные причины. Суворовские казармы расположены на границе района в двух шагах от Введенской площади, где находился тогда Лефортовский райком. Большевики-солдаты предпочитали держать связь с этим райкомом. Село Богородское—место расположения артиллерийских батарей—отстоит от центра района на 4 версты и потому вообще слабо обслуживалось.

К середине октября рабочие массы были достаточно подготовлены к тому, чтобы броситься в бой за власть Советов, обывательская масса подготовлена к тому, чтобы соблюдать в этой борьбе сочувственный к нам нейтралитет. Но технически мы были беспомощны. Мы не имели оружия. Мы не имели никакого плана боевых операций.

2. ПОДГОТОВКА ВЫСТУПЛЕНИЯ.

Неделя перед 25 октября была неделей политической и организационной подготовки выступления. На межрайонном партийном совещании под председательством т. *Лихачева* обсуждался вопрос о выступлении. Выступление было решено. Решение было сообщено ЦК в Питер, и оттуда ждали дальнейших указаний. 23 октября состоялось общее партийное собрание района в столовой завода Земгора на Старом Газу. Общее собрание единодушно высказалось за выступление в ближайшие дни. Раздавались отдельные голоса, призывавшие к осторожности, но они не поколебали общего настроения. Новый исполком районного совета (с нашим большинством) назначил на 26 октября пленум совета с фабрично-заводскими комитетами. Пленум состоялся в назначенный день уже в обстановке восстания. Председательствовал на нем тов. *Русаков*. На пленуме была оглашена телеграмма о захвате власти в Петрограде и образовании Московского Военно-Революционного Комитета. Доклад о политическом моменте и наша резолюция, призывавшая рабочий класс к немедленному выступлению, была принята единогласно против голоса одного меньшевика. После принятия резолюции выступил представитель 1-й батареи *тов. Часов*, от имени батареи присоединился к резолюции и потребовал перевыборов совета солдатских депутатов. Пленум расходился под лозунгом: „к оружию".

Вечером 24 и 25 октября представители района участвовали на общегородском собрании районных дум, имевшем целью создать опору революционному выступлению в районных городских управлениях, против кадетско-эсеровской городской думы, организацией своего межрайонного центра—совета районных дум.

Новое помещение Соколнического Районного Совета на Маленковской ул. (бывш. Ивановской ул. бывш. „Золотой Якорь"), куда он перешел тотчас после Октябрьских дней.

На заседании райкома 25 октября был намечен революционный комитет района в составе 5-ти т.т.: *Русакова, Сары Бродской, Ефремова, Пресняков* (как представителя фабрично-заводских комитетов) и *Медведя* (как представителя воинских частей). В райкоме, исполкоме, районной управе, на всех предприятиях были установлены непрерывные дежурства. Организационная подготовка восстания к 25 октября была закончена. Ждали сигнала.

3. БОЕВЫЕ ДНИ.

25 октября, около 5 часов вечера, из М. К. позвонили в район и сообщили, что юнкера первые открыли военные действия и захватили манеж и что М. К. требует от районов срочных подкреплений к Совету. Сокольническому району предложено было прислать 300 человек. В райкоме из ответственных работников был только секретарь райкома *т. Сара*. Большинство в это время находилось на общегородском собрании районных дум. *Тов. Сара* сейчас же принялась звонить по предприятиям. Время было позднее, рабочие всюду уже разошлись с работы. Но дежурные везде оказались на местах и не далее, как через $1^1/_2$—2 часа, двор райкома был полон народу: явилось вместо 300—600 челов. Этот момент был для Сокольничьего района началом Октябрьской революции. Напряженное ожидание, которое переживали в последние дни рабочие массы района по свидетельству всех товарищей перешло в движение, которое захватило всех, не только большевиков, не только беспартийных, но и рабочих меньшевиков и эсеров. В Сокольничьих мастерских в ночную смену 25-го вечером передали, что большевики требуют рабочих на защиту Совета. В инструментальной коммунисты и часть беспартийных бросают работу и направляются к райкому... Рабочие эсеры спрашивают: „нам тоже

идти?". И, действительно, среди тех 500, которые явились в этот вечер была масса беспартийных, были и меньшевики и эсеры.

Район в тот же вечер получил наглядное подтверждение выступления юнкеров.

Часов около 8 вечера по Сокольничьему шоссе проехал вооруженный грузовик с юнкерами. Он свернул на 3-ю Сокольничью и остановился на углу 8-й и 3-ей. Они, повидимому, направлялись к помещению Совета. Однако, постояв некоторое время, грузовик пошел дальше к Суворовским казармам. Храбрецы, как видно, не решались забираться в тупик 8-й Сокольничьей к Совету, а в нем в этот момент находились лишь 2 безоружных человека товарищ *Сара* и сторож. Юнкера под'ехали к воротам Суворовских казарм но, видя, что часовой поднял выстрелом тревогу, немедленно повернули и убрались. По всем признакам юнкера имели задачу произвести разведку района. Поздно вечером в райком вернулись товарищи, бывшие на собрании районных дум.

Экскурсия в наш район юнкеров побудила немедленно-же перейти на боевое положение. На лицо оказались два члена ревкома, т. т. *Ефремов* и *Сара*, которые и приступили к мобилизации района. Прежде всего была организована охрана района. Были установлены пикеты и направлены патрули в важнейшие пункты: к вокзалам, к Красным воротам, к Сокольничьей заставе, на Богородское шоссе, к Матросскому мосту и т. д. Усиленная охрана была организована в районе расположения штаба у Сокольничьих мастерских и уг. 8-й и 3-ей Сокольничьих. Патрули установили связь с соседними районами и с железнодорожниками. Патрульные и пикетчики почти все были вооружены одними револьверами. Руководство караульной службой было поручено т. т. *Мессингу* и *Чистякову*, которые несли эту обязанность посменно все дни, пока район

оставался на боевом положении. Наш пустой арсенал, имевший лишь несколько берданок без патрон, для которых т. *Сара* привезла нам из М. К. небольшой ящик японских патрон, проскакивавших вместе с головкой гильзы в ствол ружья, за этот день пополнился большим количеством револьверов и холодного оружия. Наши пикетчики и патрульные и вообще группы наших рабочих останавливали всякого офицера и отбирали у него оружие—шашку и револьвер. Товарищи с фабрики Бовдзей в тот-же вечер 25-го притащили нам целую сотню офицерских сабель. Но холодное оружие было бесполезно—красную конницу никому еще и в голову не приходило организовывать, тем паче, что для уличных боев конница непригодна. Нужны были винтовки, хоть какие-нибудь, хоть паршивенькие, но винтовки. О пулеметах мы даже и не мечтали.

Ночью (с 25 на 26) т. т. *Медведь* и *Ефремов* направились в Суворовские казармы для выяснения настроения стоящих там частей, соорудили там собрание и убедились, что солдатская масса готова выступить. Но на следующий день нам сообщили, что офицера и полковой комитет уговаривают солдат занять нейтральную позицию. Часть солдат послушалась этих уговоров, но часть телеграфно-прожекторного полка и самокатчики все до единого отдали себя в распоряжение Революционного Комитета. Около 30 вооруженных солдат явились в наш штаб в первую же ночь и были отправлены на подкрепление в центр. В эту же ночь полк связался с нами полевым телефоном. В дальнейшем телеграфно-прожекторный полк оказал большую помощь Московскому Военно-революционному Комитету командировкой отряда телеграфистов на правительственный телеграф, после того, как он был захвачен революционными силами. В ту же ночь с 25-го на 26-е после Суворовских казарм т. т. *Медведь* и *Паперный* были посланы в Богородское по-

КАБИНЕТ ИСТОРИИ К. А. ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

дымать артиллерийские батареи. Здесь повторилась та же история, что в Суворовских казармах. Солдатская масса была на нашей стороне, комитетчики и офицера против нас. Комитетчики с представителями взводов жарко проспорили почти весь день 26 октября. Общее собрание солдат 27 октября положило конец этим спорам, вынеся резолюцию о немедленной поддержке Революционного Комитета. Тотчас было приступлено к смещению и аресту старого начальства и замене его своим, революционным, взлому цейхгаузов и захвату оружия. Приступили к подготовке орудий, но они оказались испорченными—офицера успеле снять с них замки и другие важные части. Потребовалось несколько дней и помощь слесарей Сокольнических мастерских, чтобы исправить орудия и сделать их годными для стрельбы. Пока же артиллеристы могли быть использованы лишь в качестве пехотинцев. С этой целью небольшой отряд солдат был отправлен в Сокольничий штаб, который переотправил их сейчас-же на подкрепление в центр.

755684

26-го с утра прекратили работу, не ожидая приказа, почти все предприятия района. Ревком получил первый приказ центра: немедленно поднять все воинские части района, всех вооруженных рабочих прислать к Совету, собрать весь шанцевый инструмент, из невооруженных создать саперные и санитарные дружины, запастись перевязочными материалами. Организовать охрану фабрик и заводов, захватить милицейские комиссариаты, почту, телефон и телеграф. Весь этот день прошел в лихорадочной мобилизации сил и поисках оружия. За день в штабе перебывали товарищи почти со всех предприятий района за информацией и за распоряжениями.

Первым явился в полном составе деревообделочный завод Казанской жел. дор. Часть товарищей была с винтовками. Невооруженные требовали выдать и им винтовки. Но где-же их было взять?

Библиотека ин-та Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС

Мы предложили невооруженным товарищам на время до получения оружия остаться в районе на караульной службе, но услышали категорический отказ. Рабочие требовали переброски их в центр—туда, где уже шел бой, и согласились пойти туда невооруженными в надежде, что центральный штаб вооружит их. Так и сделали.

За неимением оружия почти на всех предприятиях с'организовались саперные дружины, и часть их в тот-же день была брошена в центр по требованию центрального штаба. На фабриках, где большинство были женщины (чаеразвесочная Перлова, Абрикосовская фабрика, завод Калинкина и др.), с'организовались санитарные отряды. То же сделали и кондукторши Сокольничьего парка. Существенную помощь в организации транспорта оказали нам автомобильный завод Земгора — (т.т. Щербаков, Гук, Радованский и др.) и военно-автомобильный склад (тов. Погодин). Они мобилизовали для районного штаба свои машины и вместе с теми машинами, которые штаб реквизировал кое-где по фабрикам, обеспечили район перевозочными средствами и бензином на все боевые дни. Средствами передвижения нас обслуживали также оба парка, выпускавшие на линию трамвайные вагоны, пока действовал ток. Трамвай обслуживал связь с Богородским и нашу главную артерию Сокольничье шоссе со Стромынкой. Наши вагоны проникали даже в центр, пока пулями и снарядами не были сбиты трамвайные провода.

К вечеру 26-го боевая организация района представлялась в следующем виде: районный штаб явился мобилизационным центром и общим руководителем операций. На районную управу (тов. *Русакова, Медведкова*, к которым позднее были прикомандированы для обслуживания Богородского подрайона *Думша* и *Софья Ефремова)* была возложена продовольственная часть. Санитарная часть (Крас-

ный Крест) была поручена т.т. *С. Волконской* и *Смирнову*. Они организовали при штабе запас перевязочных материалов, собрав его из ближайших больниц, установили тут-же дежурство и затем перешли к организации санитарных отрядов из работниц. Тов. *Волконская* в тот-же день была отозвана в центр для организации там санитарной части. В районе остался лишь тов. *Смирнов*, который и руководил работой санитарных отрядов, направляясь с ними в самые опасные боевые места. В Сокольничьих мастерских с'организовался заводский ревком (2 большевика т.т. *Шумкин* и *Андреев* и 1 анархист т. *Козловский*—„Кавказец"), который взял на себя формирование и питание частей. Мы имели здесь и запасный полк и питательный пункт. Наш своеобразный запасный полк пропустил через себя за 3—4 дня около 3.000 рабочих-красногвардейцев. Обучение велось, разумеется, самое упрощенное: знакомство с винтовкой и учебная стрельба. В мастерских-же было устроено стрельбище. Питательный пункт кормил ежедневно 1½ тыс. человек. В мастерских оказался изрядный запас продовольствия, принадлежавший кооперативу мастерских, которого хватило-бы на целый месяц для того-же числа едоков. Наш пункт принес большую помощь, ибо центральный штаб возложил на район питание наших отрядов и даже воинских частей, действовавших в центре. Наши продовольственные фонды не ограничивались запасами в мастерских. Как уже указано—о нашем продовольствии заботилась районная управа. Кроме того, по указаниям т.т. железнодорожников нам удалось вывезти с Казанской товарной станции один вагон муки.

Здесь-же при Сокольнических мастерских организовался и военный ревком из представителей воинских частей, участвовавших в октябрьских боях и имевших базой наш район. Его задачей было помогать нам в обслуживании воинских частей.

Наши подрайоны (Алексеевско-Ростокинский и Богородский) мы вынуждены были предоставить собственным силам. Мы ограничились тем, что послали в Алексеевско - Ростокинский подрайон т. *Паперного* для захвата комиссариата и помощи местным товарищам в деле организации сил. Этот подрайон влил свои силы в Октябрьские дни в Городской район, связь с которым было легче держать, и оказал этому району существенную боевую поддержку. В Богородском организовался подрайонный ревком, куда вошли т. т. *Вера Сапожникова*, *Петкевич* и представители батарей. Задачей этого ревкома было держать связь с местными воинскими частями, охранять революционный порядок и заботиться о продовольствии подрайона. С подрайонным ревкомом также держали связь много мелких воинских частей, расквартированных в ближайших подмосковных селениях. Все эти части с'организовали у себя революционные комитеты. Был случай обращения в Богородский подрайонный ревком делегатов от какой-то части, вызванной Рябцевым из провинции против нас. Когда делегаты осведомились о положении дел, то заявили, что их часть против восставшихся рабочих не пойдет и присоединится к революционным войскам. Продовольственный вопрос в подрайоне представлял значительные трудности, ибо приходилось вырывать продовольствие от нашей районной управы, а ее запасы были очень скудны. Эта задача была возложена на т. т. *Ефремову* и *Ястребову*, которые успешно справились с ней.

Однако, мы несколько забежали вперед. За сутки, с 25 по 26, мы вполне мобилизовались и с'организовались. Мы послали несколько невооруженных пополнений в центр, не менее 1½ тыс., мы отправили туда-же несколько саперных дружин, мы хорошо связались с соседями патрулями и полевым телефоном, мы помогли центру установить связь

через нас с огнескладом в Мызе Раево и, благодаря этому, удалось обеспечить центральный штаб снарядами. Но, несмотря на все это, мы чувствовали себя связанными по рукам. Мы не могли дать выхода боевой энергии рабочих нашего района—у нас не было оружия. И вдруг—в течение нескольких часов мы богачи. Часов около 10 вечера к нам пришли т.т. железнодорожники с сообщением, что на путях Казанской дороги стоят вагоны с винтовками. Мы немедленно-же организовали экспедицию за драгоценным грузом. Мы привезли в одну ночь не менее 10 грузовиков по 8 ящиков на каждом, т. е. тысячи полторы винтовок. И затем вывозили их еще почти целые сутки и вывезли не менее 10 тысяч. Получив оружие, мы могли назначить заведывающих оружием—назначили на это дело т.т. *Пресняков*а и *Лазаря Арнштама*. Мы хорошо вооружились сами и смогли помочь соседям—Городскому, Пресненскому и Лефортовскому районам. При распределении винтовок пришлось выдержать целый бой. Когда привезли первую партию винтовок, в штабе была одна т. *Сара*. Весть о винтовках как ток пробежала по району. Сейчас-же примчались товарищи с разных концов. Но у нас было предварительно решено вооружить сначала безоружных солдат, хорошо умевших стрелять, а затем уже рабочих. Какой крик, какой протест, какое возмущение поднялись среди товарищей! Тов. *Сару* эти протесты не поколебали она решила, во что-бы то ни стало, отстоять наш план—села на ящики с винтовками и заявила протестантам с убедительной твердостью, что с этого места не сойдет. Товарищи не в шутку, а в самый подлинный серьез разразились по ее адресу угрозами таково было состояние рабочих, сознававших, что в эти дни идет борьба с буржуазией не на живот, а на смерть, борьба решающая—в которой они оказались безоружными.

Винтовок набралось достаточное количество. Как указано, мы помогли даже соседям. На утро страсти улеглись—все получили полное удовлетворение. Стала новая задача—добыть патроны. Бросились в исправительную тюрьму—она находилась в н/районе. Привезли оттуда с торжеством, помнится, 2 ящика патрон. Как раз требовалось отправить пополнение в центр. Снабдили товарищей этими патронами и отправили на грузовике. Только выехал грузовик — другая группа товарищей стала запасаться патронами. Одному товарищу вздумалось испытать патрон. Он зарядил винтовку, спустил курок—патрон ни с места. Вытащил патрон, разломал его и что-же оказалось, в патроне вместо пороха какая-то зола. Разбили другой, третий—то же самое. Тотчас-же полетели догонять от'ехавший грузовик—к счастью, догнали. Возмущению не было границ. Подозревали умысел, предательство.

Из затруднительного положения нас вывел железнодорожный район, который снабдил нас несколькими ящиками патрон.

Вскоре затем узнали, что патроны можно получить, со значительным риском, в Лефортовском районе. Эту миссию взяла на себя тов. *Сара* и успешно ее выполнила, привезя в район 2 ящика патрон. Еще через день мы были завалены патронами. Нам сообщили, что захвачены Симоновские склады. Мы не заставиля себя долго ждать, и так загрузили себя патронами, что пользовались ими потом несколько месяцев.

На 3-й день октябрьской недели Сокольничий район повел полную боевую жизнь. Первой вооруженной единицей Сокольничьего района был отряд тов. *Маленкова*. Тов. *Маленков* был незадолго до восстания послан с партийным поручением в Галич и вернулся в Москву уже 27 октября. Как раз в этот день сообщили нам, что требуется экстренная помощь Пресненскому району, которому угрожают бе-

лые. Тов. *Маленкову* поручили наскоро составить отряд. От охотников не было отбоя. Весь штаб и ревком готов был сняться с мест и отправиться на помощь Пресне. Собрали всех людей, кто оказался на-лицо в штабе и кого можно было без вреда для дела отпустить из района. Таких набралось 50 чел. Отряд пробрался на Пресню, но в активных операциях участвовать ему не пришлось. Его выдвигали на опасные позиции—где ожидалось нападение белых, но тревога оказалась ложной. Значительные боевые операции пришлось вести другому Сокольничьему отряду, более крупному и организованному, под командой тов. *Оводова,* рабочего-коммуниста Сокольничьих мастерских,—этот отряд был нашей районной боевой единицей, принимавшей участие в общих операциях. Он пробился к Милютинскому переулку по Мясницкой и здесь занял позиции у меблированных комнат „Родина" против телефонной станции. Отряд держал все время связь с районом.

Большую работу район проделал по приему подмосковных отрядов. Наш штаб принял и помог доорганизоваться отрядам Кольчугинскому (600—700 ч.), Мытищенскому (150 чел.), Мыза-Раевскому (200 ч.), Коломенскому (75 чел.) и др. И эти отряды в своих боевых действиях имели базой наш район. В наш штаб явились делегаты артиллерийских частей, стоявших в Серпухове, и просили командировать к ним нашего представителя, чтобы поднять эти части на помощь Москве. Мы послали в Серпухов тов. *Герасимова.* Он застал артиллерию уже погруженной для отправки в Москву. Части эти прибыли, и вошли в прямую связь с Московск. в.-р. комитетом. Когда наши силы разрослись—одного питательного пункта в Сокольничьих мастерских оказалось мало и был организован второй—в Сокольничьем трамвайном парке. 27-го днем к нам явился первый офицер с предложением своих услуг. Он явился с двумя взрослыми сыновьями и отдал себя вместе с ними

в распоряжение рабочей революции. Это был штабс-капитан—инженер тов. *Лозовский* меньшевик интернационалист, несколько раз выступавший на наших митингах еще до октября против империалистической войны. Мы поручили ему организовать оборону района, а его сыновей включили в один из отрядов. Тов. *Лозовский* за сутки разработал план обороны — пункты окопов и баррикад. Помнится, окопов было намечено 2—у вокзалов и у Матросского моста. План был одобрен и немедленно исполнен. Приблизительно на 4—5-й день район обогатился 4-мя тяжелыми орудиями и снарядами. Орудия привезли из Богородского и Измайлова, где стояла одна из батарей того-же дивизиона, что и в Богородском, и к нам явились вместе с солдатами два новых военспеца артиллерийский поручик и прапорщик (фамилии их, к сожалению, позабыты). Они помогли установить орудия на позиции—у Матросского моста, у Мещанской части и одно скрытое—в Сокольничьей роще. Устроили наблюдательный пункт на каланче. Но действовать не пришлось. А руки чесались. Весьма хотелось побухать из тяжелых—но центральный штаб категорически запретил стрелять без особого приказа. Приказа-же не последовало за минованием надобности. На 7-й день юнкера и вся белая рать была разбита и побеждена без наших орудий.

К концу Октябрьских дней район представлял собой вооруженной лагерь с солидной артиллерийской обороной, с большими запасами вооружения—снарядами, патронами и винтовками был завален весь огромный подвал Сокольничьих мастерских и сараи в доме Совета, где помещался штаб, и даже с бронеотрядом в 5 машин, явившимся к нам в последний день из Петрограда во главе с тов. *Барочкиным*, с налаженным питательным аппаратом—но людской запас уже изсяк. Мы за шесть дней боев направили в центр все, что могли собрать

Группа активных работников Октябрского восстания.

боеспособного и если включить в итог—не только рабочих нашего района (3.000 чел.), но и приезжих подмосковных (около 2.000 чел.) и солдат н/района, то получится цифра в 6—7 тысяч человек. Когда же в решающий момент центральный штаб прислал приказ мобилизовать все последние силы и двинуть в последнее решающее наступление к центру—наш „запасный полк" в Сокольничьих мастерских смог путем значительных усилий насбирать, сверх предыдущих формирований, 160—170 чел. Однако, когда к концу 4-го дня борьбы мы получили приказ о первом перемирии—никто в районе и слушать не хотел о том, чтобы боевые действия прерывать до полной победы. Рабочая масса района глухо волновалась, обвиняла центральный штаб в нерешительности, некоторые горячие головы шли в своих подозрениях еще дальше. Возобновление действий после первого перемирия внесло успокоение.

К концу боев наш район захватил ценную добычу. Благодаря содействию каких-то сочувствующих обывателей мы обнаружили на одной из дач Сокольничьей рощи белогвардейский штаб в составе одного генерала, одного полковника и нескольких офицеров и юнкеров. Наш трофей мы немедленно доставили в центральный штаб.

На седьмой день борьбы мы могли праздновать свою победу.

Как же вели себя наши враги в районе в эти дни? Их не было, вожди попрятались, или с позором удрали, как удирали из районного совета на первые сутки революции районно-советские меньшевики и эсеры. Они явились собирать свои монатки и делали это не спеша, попробовали даже заговаривать с нами,—чего-де вы панику поднимаете. Но, ознакомившись с нашим нешуточным настроением, они поспешили к выходам, не побрезгав использовать для экономии времени в качестве выходов окна вместо дверей. Рабочие-же меньшевики

и эсеры (в особенности меньшевики) поступили иначе. Выше уже упоминалось, что в первом боевом пополнении, посланном в центр, вместе с большевиками и беспартийными, оказались меньшевики и эсеры. Можно указать на пример двух крупнейших предприятий района, сыгравших наиболее видную роль в революции—сокольн. мастерские и сокольн. парк. В первом было 40 меньшевиков, 80 эсеров и 40 анархистов. Анархисты все примкнули в революцию к нам и сражались в наших рядах. то же сделала половина меньшевиков во главе с т. Козловым, позднее деятельным коммунистом. Большинство этих меньшевиков потом вступило в нашу партию. Из эсеров ни один участия не принимал. В сокольничьем парке из 15 меньшевиков также часть примкнула к нам. Но здесь и часть эсеров, именно левых эсеров, пошли за нами. Был момент на 4-й или 5-й день боев, когда наши враги осмелились выползти из своих щелей. К нам в штаб явилась делегация от „группы" солдат телефонно-прожекторного полка с длиннейшей резолюцией, смысл коей был в конечной фразе — требовании прекратить вооруженную борьбу. Мы выслушали эту резолюцию, обругали всю делегацию предателями, и предложили убираться по добру, по здорову.

Здесь уместно указать на одну из крупнейших наших ошибок. Мы с врагом поступали как с благородным противником, т. е. обезоруживали и отпускали на все четыре стороны. Прочее население района, обыватели, в большей части держало себя сочувственно к нам и оказывало при случае содействие. Никаких жалоб на наши патрули и вооруженные части не пред'являлось, хотя для таких жалоб был свободен доступ в комиссариаты и в районную управу. Но следует отметить и попытки активного противодействия со стороны крупной буржуазной интеллигенции и прочей буржуазии покрупнее. Кадетско-эсеровская часть районной думы

добивалась созыва пленума думы для обсуждения положения в районе. Наши враги пытались опереться на домовые комитеты. Но широкого движения и помехи нам в районе в дни октября организовать им не удалось.

Комиссариаты милиции мы захватили в первый же дни почти без борьбы, за исключением 4-го Мещанского, где комиссар несколько заартачился, но энергичными действиями т.т. *Русакова* и *Касаткина* был быстро усмирен без кровопролития. Отмечено было почти полное исчезновение пьянства.

4. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ.

Итак, победа наша. Победа почти без жертв. Наш район потерял четырех убитыми, двух товарищей из союза молодежи—*Барболина* и *Жербунова*, пострадавших в первые дни борьбы на Тверском бульваре против градоначальства, коммуниста завода Михельсон—т. *Верземнек* и т. *Аркасова*, погибшего в штабе от неосторожного выстрела, и двух ранеными: беспартийного *Петерсона* и анархиста из сокольн. маст. т. *Семенова*. Более крупные потери понес Кольчугинский отряд, имевший своей базой наш район, но точных сведений о числе погибших товарищей из этого отряда мы не имеем.

2-го ноября получаем сообщение о взятии Кремля. Нашему штабу в районе делать нечего—едем в Московский Совет, центральный штаб, пожать руку товарищам. Возвращаемся в район праздничные, и вокруг все выглядит по праздничному. 3-го ноября созывается пленум районного совета в театре „Русь“. Театр набивается битком, речи о победе встречаются восторженно. Что-то нескладное брюзжит меньшевик Воробьев с фабрики Буффало, но его никто не слушает. Победа! Начата новая жизнь!

10 ноября хороним жертвы октября на Красной площади. Вся рабочая масса района до единого вышла на эти похороны.

Теперь, через 5 лет, мы видим в полном свете и нашу победу и наши ошибки. Мы прошли за эти 5 лет суровую школу военного обучения на фронтах гражданской войны. Теперь мы воевали-бы уже по иному. Теперь мы не потратили-бы при том героизме рабочего класса, при той массовой силе, семи дней на борьбу с слабейшей численно бандой офицеров и юнкеров: мы справились бы с ними самое большее в 2 дня. Мы уже не были-бы так технически беспомощны, как тогда. И мы не былибы так мягкотелы и великодушны к врагам, как тогда.

Мы записали здесь свои воспоминания, и первая наша мысль – посвятить их погибшим товарищам. Пусть эти воспоминания будут нашим коллективным венком на их могилы:

1) Двум рабочим-юношам, революционным борцам, основателям союза молодежи в Сокольничьем районе, погибшим в боях Октября – т. т. *Жебрунову* и *Сергею Барболину*.

2) Герою-рабочему *Емельяну Маленкову*, погибшему на восточном фронте в 1918 г.

3) Старому коммунисту *Ивану Русакову*, погибшему от предательской пули в Кронштадте в 1921 г.

4) Честному интернационалисту, а затем стойкому коммунисту *Леониду Лозовскому*, погибшему на фронте 9-й армии от донской белогвардейщины в 1919 году, и его сыну *Борису Лозовскому*, расстрелянному белогвардейцами в Балашовском уезде в 1919 году.

5) Старому коммунисту *Александру Смирнову* погибшему от сыпного тифа на фронте 10 армии в 1919 году.

6) *Илье Арнштаму*, погибшему на фронте 2 армии в мае 1919 года

и всем товарищам погибшим на фронте гражданской войны.

Вторая наша мысль—о молодых бойцах, которые должны пополнить наши поредевшие ряды свежими революционными силами. Пусть они почерпнут в наших воспоминаниях и примеры стойкости и уроки ошибок. Это пригодится им для будущих боев на фронте мировой революции.

Д. Ефремов, Сара Бродская, В. Котов, М. Андреев, Л. Арнштам, П. Пресняков, Э. Черняк, П. Ростовщиков, Б. Виндзберг, А. Герасимов, Ф. Медведь, Королев, А. Медведков, П. Новиков, С. Волконская, К. Николаев, К. Касаткин, И. Чистяков, Г. Максимов, П. Жикин, К. Кох, Г. Морозов, В. Сорокина, С. Ефремова, И. Бакин, С. Шалимов, В. Медведь, П. Иванов.

Общее собрание Сокольнического районного совета рабочих депутатов совместно с представителями фабрично-заводских комитетов, полковых частей и представителей от милициоперов 26 октября постановило:

Приветствовать революционную армию и пролетариат Петрограда в борьбе, поднятой ими против врагов революции—временного правительства и поддерживающих это правительство капиталистов, помещиков и всех их прислужников. Призвать весь пролетариат и беднейшее население Сокольнического района сомкнуть свои ряды вокруг Московского военно-революционного комитета, избранного Московскими советами, выполнять беспрекословно все приказы этого комитета, быть готовыми отдать все силы, не щадя жизни, за доведение борьбы до конца, до победы над врагами революции. Долой дезертиров революции! Все в строй! Все в боевой порядок! Да здравствует власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которое обеспечит созыв в срок Учредительного собрания.

Собрание 1-й батареи 2-й зап. тяжелой артиллерии присоединяется к этой резолюции, протестует против резолюции дивизионного собрания, требует перевыборов совета солдатских депутатов.

Председатель собрания батареи
Часов.

Сокольнич. мастерские М. Г. Ж. Д.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. М. АНДРЕЕВА.

В Сокольнических мастерских работало до 5.000 человек. Имеющих связь с деревней было 90%, остальные 10%—были связаны с заводом, и эта часть была авангардом заводских рабочих.

Завод имел несколько цехов: инструментальный цех был основным ядром большевиков. Дальше шли менее революционные цеха, как-то: электрический, ремонтный, столярный. На всякий приказ инструментального цеха дружно шли на Канаву (историческое место на заводе). Здесь происходили собрания рабочих, как в дни царизма, так и при Керенщине; здесь же решались дальнейшие революционные действия завода.

В состав мастерских входили Снарядные Цехи. Здесь остались с периода империалистической войны мелкие лавочники, торговцы и прочие мелкобуржуазные элементы. Работа этих цехов не требовала сложных знаний, и вся эта свора шла в снарядные цеха и засоряла своей идеологией слабых пролетариев. Своим влиянием действовала на патриотические чувства рабочих.

Последняя категория цехов: механический, кузнечный, малярный состояли из ремесленников, выброшенных на завод развитием крупной промышленности; они всегда имели тенденцию быть консервативными по отношению ко всему заводу. Там были „отцы города", так их называли рабочие революционных цехов, потому что они служили с Ноева потопа и радовались всякой подачке администрации.

Отношение большинства рабочих завода к большевикам в период 1917 г. было инертное в связи с влиянием эсэров на пришлый элемент в заводе;

эсэры пользовались некоторым успехом, но недолго.

Приближались корниловские дни. Заводский Комитет большевиков (так называлась местная партийная организация) повел усиленную агитацию за разоблачение эсэров и меньшевиков, как изменников рабочему классу.

На собраниях, мы, большевики, указывали рабочим, что эсэры и меньшевики против вооружения рабочих и за соглашение с буржуазией. Наша агитация имела успех, что показали выборы в Совет и завком

С этого периода мы подчинили своему влиянию большинство рабочих. После победы во время выборной кампании над эсэрами и меньшевиками, нам, большевикам, пришлось выдержать до Октябрьского восстания решительный нажим наших противников.

Когда мы заняли в заводе командные высоты, непримиримые противники наши эсэры, которые с давних пор, еще при царизме, пользовались влиянием среди рабочих (тогда как большевики в заводе появились только с 1915 года, т.-е. во время империалистической войны) должны были с нами считаться, так как мы представляли солидарную группу из 80 товарищей.

Но февральская революция сняла маски с этих „архи-революционеров" и показала их настоящее мелко-буржуазное лицо.

Наших противников эсэров насчитывалось к августу 1917 г. до 80 человек, среди которых было несколько рабочих, остальные из администрации, как-то: табельщики, конторщики, браковщики, и заведующие мастерскими. Первое время они пользовались успехом в выборной кампании из-за своих хороших говорунов (тогда отличались эсэры знаменитыми своими ораторами—артистами, спрятавшимися на заводах от войны). Меньшевики—под-

собная группа эсэров, более малочисленная, в количестве 30 человек, и слабее в квалифицированном отношении; среди них были рабочие и бывшие мелкие ремесленники. Эта группа для нас не представляла особой угрозы и с ними борьба была гораздо легче, чем с эсэрами. Третья группа наших противников анархисты,—более революционные, но ничего конкретного не предлагавшие рабочим,—по своему составу была исключительно из рабочих, имела кадр хороших ораторов, которые своей красноречивой агитацией влияли на малосознательную часть рабочих. Эта группа анархистов была еще менее опасна для нас. Было очень легко разоблачить ея демогогическую агитацию. Итак, наши основные противники были разбиты...

Приближается Октябрьское восстание. Сокольнические мастерские становятся основным ядром Красной Гвардии Сокольнического района. У нас имелся кадр обученных красногвардейцев из большевиков, в количестве 130 человек, но не было оружия; на лицо имелось 65 револьверов разных систем и 7 винтовок, из них: 3 берданки, 2 гра 2 русских; итого вооруженных было 72, остальные 58 товарищей без оружия; но это нас, большевиков, не страшило. Комитет ячейки Сокольнического Завода взял на себя организацию Красной Гвардии Сокольнического Района с согласия Районного Комитета РСДРП большевиков.

Руководство этой организацией комитет ячейки завода поручил мне, пишущему эти строки.

В захватном порядке приступили мы к оборудованию площадки для обучения красногвардейцев и для склада оружия в здании завода. Все сознательные рабочие завода чувствовали, что приближаются дни решительных схваток пролетариата с буржуазией.

Недолго пришлось ждать.

Петроградские выстрелы эхом докатились до

Москвы. Московские рабочие не долго медлили ответом.

25 октября первая схватка с юнкерами на Никитской была пробой вооруженных сил пролетариата Москвы. Для подавления юнкеров и белогвардейцев требовалась быстрая переправа вооруженных отрядов в Центр.

Бой начался... Организовался Ревком завода в составе 3-х лиц: два большевика, один анархист. Завод принял вид вооруженного лагеря. Ревкомом Сокольнического Района изыскивались различные средства для приобретения оружий и патронов. рассылались во все места товарищи за отысканием мест, где хранятся оружия. Таковой склад был обнаружен на Казанском вокзале. По приказанию Сокольнического Ревкома винтовки в количестве около 10.000 шт. были немедленно захвачены. Узнав про успех и добычу оружия, наши красногвардейцы еще настойчивей рвались в бой.

27/X посетили завод Члены Ревкома: т.т. Сара Бродская и Ефремов с целью ознакомления с состоянием обучения, комплектованием красногвардейцев и выяснения целесообразности перенесения основной базы вооруженных сил в Сокольнический завод. После осмотра завода вынесено было положительное решение.

С этого момента стали прибывать рабочие из других мест Московской губернии; первыми явились на помощь Кольчугинцы, Мытищинцы, Мызраевцы и из воинских частей и т. д. Вскоре организовался при заводе из военных частей Ревком, в количестве 3-х товарищев, с функциями вербовки и комплектования из воинских частей вооруженных отрядов для посылки в центр.

День и ночь шли приготовления, обучение и отправка отрядов в центр по заданиям Сокольнического Ревкома. В течение 8-ми дневного боя прошло через базу Сокольнического завода до

10.000 товарищей. Снабжались людьми и вооружением также и соседние районы г. Москвы.

Велики заслуги Сокольнических мастерских и отдельных погибших товарищей, перед Октябрьской революцией.

М. Андреев.

3/X—22 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. К. КОХА.

24-го октября в самом начале Октябрьской революции работал я в ночной смене с 6 часов вечера до 4-х утра. Приступив по обыкновению к работе, я увидел, что почему-то работа не вяжется, что чувствуется какой-то особый под'ем; в мастерской как-то душно, нет воздуха, что-то давит, хочется проделать что-то особенное. К моему удивлению заметил, что настроение, подобное моему, охватило остальных рабочих; редко кто-работал; все чего-то ищут, группа из нескольких рабочих собирается у какой-либо машины или станка, тут же расходятся—разговор не вяжется.

В мастерской распространяются слухи, что в Петрограде что-то творится, но никто подробно ничего не знает. Дотянув в эту ночь до звонка, все расходятся по домам.

25-го утром отправляюсь в Райком и узнаю о петроградских событиях. От тов. Оводова получаю указания, чтобы вечером быть на работе в мастерских, работать по обыкновению, но быть готовым к выступлению. В 11 часов вечера в мастерскую является один из членов нашей партии (фамилию товарища не помню, так как был сильно взволнован) и об'являет о необходимости немедленно прибыть в Ревком, чтобы получить оружие. Мы уходим, вместе с нами уходят и остальные рабочие инструментальной мастерской, прекращают работы

3-х дюймовые и 6-ти дюймовые снарядные мастерские. Работать остается лишь одна механическая мастерская, в которой рабочие в большинстве эсэры и старые привиллегированные мастеровые, испокон века работавшие в мастерских.

От Районного Ревкома получаем распоряжение отправиться в Московский Совет, где имеется оружие. Но и там нет достаточного количества его, и когда моя очередь доходит до дверей Совета, то оказывается что оружия больше нет, все роздано, а хвост нашей очереди тянется через всю площадь Свободы по переулку и упирается в Большую Дмитровку.

Одновременно с отправкой нас в Московский Совет за оружием, Ревком направил разведку во все концы района в поиски за оружием. Возвратившись обратно в свой район, узнаю, что высланная Ревкомом разведка нашла где-то на путях Рязанской дороги несколько вагонов с винтовками и на Николаевском вокзале боевые 3-х линейные винтовочные патроны.

Настроение у всех боевое и бодрое, каждый стремится скорее получить винтовку, чтобы вступить в бой, и с большим трудом удается удерживать товарищей на караульных постах, ибо никто не хотел быть без дела (среди красногвардейцев создалось мнение, что стоять на часах—это безделие). У нас, партийных или беспартийных рабочих, ни разу не возникло сомнение в правоте нашего начатаго дела, ни разу не было мысли о том, что мы можем быть побеждены. Все мы были уверены в победе, все рвались в бой и иначе мыслящих не было среди нас...

2-го ноября в наш Ревком от Районного Ревкома поступил приказ о немедленном отправлении отряда в Сокольники, где в одной из дач, устроенной под санаторию, вместо больных солдат работает белогвардейский штаб. По получении приказа

немедленно были отправлены туда на грузовике 15 человек красногвардейцев под руководством тов. Крючкова. Дача была окружена, и все ее обитатели были арестованы. Весь штаб состоял из 8 чел. высших офицеров, которые и были отправлены в Московский Совет.

По дороге туда, около Сухаревой Башни, мы попали под обстрел белогвардейского пулемета, который был установлен в доме на углу Сретенки и Сухаревой площади. Наш автомобиль был пробит несколькими пулями, но, к счастью, никто из нас, а так же наши пленники, не были задеты.

Во время нашего пребывания в Совете к нам прибыли белые парламентеры из Кремля с предложением прекращения боя, с условием, чтобы всем участникам белогвардейского лагеря гарантировать свободу и оставить оружие. Чем кончились переговоры—всем известно, но весть о нашей победе в нашем районе была встречена восторженно и впервые только мы могли подумать: „при каких обстоятельствах мы провели период Октябрьской революции".

Как это случилось, что мы могли столько суток провести без сна, почти без еды и при том чувствовать в себе столько сил, не знать усталости? После окончания боя наверное не один я проспал без просыпа целые сутки.

Участник Октябрьской революции

Рабочий Сокольнич. мастерских *К. П. Кох*

Москва, 5-го октября 1922 г.

Как мы помогали революции у себя в районе.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. П. ЖИКИНА.

Работая в месткоме Новосокольнического парка (ныне Русаковский), я в то же время состоял членом районной думы.

Находясь в гуще рабочих, я, естественно, не мог не видеть их революционного настроения. Благодаря этому, приходилось держать беспрерывную связь с райкомом.

25 октября, часа в 4 дня, я встретился с тов. *Конокотиным*, который предупредил меня, чтобы я не опоздал на собрание районных дум в Народном Доме на Сухаревской пл. Пришел я рано. Здесь я встретился с тов. *И. В. Русаковым*. Он был взволнован и все время входил то в зал, где находились меньшевики, эсеры и кадеты, то в комнату, где находились большевики.

Из разговора с ним я понял, чем он взволнован: по его подсчету нас, большевиков, собралось меньше, благодаря чему мы можем оказаться на собрании побежденными. *И. В. Русаков* и некоторые товарищи из других районов решили просить блок (т. е. меньшевиков, эсеров и кадетов) подождать минут пять с открытием собрания. Этого мы сумели добиться. В результате мы конечно выиграли, так как за эти пять минут подошло изрядное количество наших товарищей.

Наша фракция решила выдвинуть своего председателя собрания, при этом остановились на кандидатуре тов. *Шлихтера*.

Мы вошли в зал. Нас уже ждали и встретили с шумом.

Наша фракция села на левую сторону, и к нам присоединились некоторые из рабочих, сидевших до нашего прихода посредине. Здесь остались сидеть только меньшевики и эсеры, преимущественно рабочие, сидели редко-редко, далеко друг от друга.

Зато по правую сторону сгруппировались кадеты, меньшевики и эсеры,—интеллигенты.

Приступили к выборам председателя собрания. Наша фракция предложила т. *Шлихтера*. Блок кадетов, меньшевиков и эсеров предложил князя Шаховского.

Если у Шаховского не было-бы титула князя, то можно было-бы его принять за рабочего. Он был в простом пиджаке и грязной фуражке. Все же, не смотря на это, шаховское декорирование внешнего вида, при голосовании победила наша фракция. Председателем был избран т. *Шлихтер*. Собрание длилось не долго. Обсуждался один только вопрос — о передаче власти Советам. Но прошло оно весьма бурно. Благодаря деловитости т. *Шлихтера*, собрание окончилось без эксцессов. Правда, по закрытии собрания, их сиятельства с правой стороны набросились на левую чуть-ли не с кулаками.

Мы стали быстро расходиться по своим районам. На площади уже была кавалерия... В районе уже шла энергичная работа по подготовке к рытью окопов. Я справился по телефону о работе в парке. Из райкома уйти в парк не было возможности. Оказалось, что наши товарищи из парка уже заняли посты по трамвайным станциям: у Сокольнической заставы, на Преображенской площади, у Семеновской заставы и в парке. В подвижном же составе, т. е. в мастерских парка, было приступлено к изготовлению инструмента для рытья окопов, а свободных от постов и дежурств людей направляли с инструментом в распоряжение райкома.

Часов в 11—12, в ночь с 25 на 26, в районе со-

бралась масса народу. Удалось стащить также много инструментов. Его необходимо было отправить в центр, для чего из парка был вызван вагон трамвая.

Вагон прибыл к 3-й Сокольнической ул. Я и еще около 50 товарищей забрали инструмент и отправились в центр города. Большинство из ехавших со мною товарищей были из нашего парка и сокольнических мастерских. Мы ехали без освещения. У Красных ворот нас остановили свои и предупредили, что по Мясницкой проехать нельзя. Тогда мы направились к Сухаревке. Здесь нас также остановили и предложили получить в питательном пункте провиант. От Сухаревки мы направились по Садовой до М.-Дмитровки. Затем мы направились к Страстному монастырю, отсюда на Б.-Дмитровку,

Во избежание обстрела со стороны неприятеля все товарищи, находившиеся в вагоне, уселись на пол и так доехали до Столешникова переулка, где и оставили пустой вагон, а сами отправились в Совет. В Совете я отделился от товарищей, чтобы узнать обстановку. Ушел я из Совета часов в 5 утра.

Вагон стоял все время пустой у Столешникова пер. В вагон сели также покойный тов. *Оводов* и еще товарищ, фамилию которого не знаю. У обоих были винтовки. Я предложил им выйти, так как я решил ехать через центр, дабы узнать расположение неприятеля. Их, конечно, тоже привлекала мысль узнать, что делается в центре, и они хотели ехать со мною. Я им предложил сесть на пол, чтобы вагон казался пустым.

Я в'ехал на Театральную площадь. Здесь стояли юнкера. Я полагал, что они меня сейчас же остановят, но они даже не обратили внимания.

Я поехал дальше по направлению к Лубянской площади. Между Третьяковскими воротами и зданием „Метрополя“ увидел спешившихся казаков.

Они меня также не остановили. Когда я поравнялся с памятником Ивана Федорова, шедший навстречу с Лубянской площади юнкер крикнул „стой".

В это время с Рождественки послышалась стрельба. Сидевшие в вагоне товарищи выбежали из вагона и скрылись в Неглинном проезде. Я дал задний ход вагону и с Охотного ряда выехал на Б.-Дмитровку. При этом надо отметить, что стоявшие на площади юнкера повидимому не были воинственны. Чувствовалась растерянность. Настроение было паническое. Я вернулся обратно в район и сообщил все, что было нужно. Из района отправился в парк.

Здесь мы приступили к организации столовой, в которой отпускались обеды для всех участвовавших в революционной работе. Отпуск обедов производился для своих парковских рабочих без талонов. Для товарищей из других организаций обеды отпускались по талонам сокольнических мастерских (там был главный пункт распределения живой силы). Отпускались обеды также по запискам райкома. Столовая снабжала обедами на месте и отправляла их также в район. Кроме столовой было организовано несколько вагонов Красного Креста для перевозки раненых, при чем для работы в этих вагонах людей было более, чем достаточно. Предлагали свои услуги на перебой не только мужчины, но и женщины. Дежурили без перерыва, дожидаясь случая заменить уставших.

Вообще настроение рабочих парка было весьма революционное. Очень много беспартийных рабочих ходило в район и в Сокольнические мастерские, где получали разного рода назначения: на караулы, на обыски, в боевые отряды, которые отправлялись в центр.

Впрочем, в революционной работе вместе с нами принимали участие не только беспартийные рабочие, но и рабочие из партии меньшевиков

(только очень мало). Помню слова меньшевика Иванова:

„Раз рабочие дерутся с буржуазией, я не могу стоять в стороне и смотреть так спокойно, как это многие мои товарищи по партии делают".

Повторяю, их было не много. Большинство же меньшевиков и эсеров в последние дни революционной схватки старались вызвать смуту среди рабочих на почве несвоевременной выплаты жалованья. Но понятно было каждому хоть маломальски мыслящему рабочему, что задержка вышла естественная и она была неизбежна.

Рабочие парка смотрели на происходящую революцию прямо, с открытыми глазами, зная, что много будет трудностей на пути. И потому всячески помогали нам в революционной борьбе, а на причитание и хныканье меньшевиков и эсеров не обращали внимания.

П. Жикин.

5/x—22 г.

Русаковский (Сокольнический) трамвайный парк.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. НОВИКОВА.

В 1917 году, в августе, точно числа не помню, я был избран в Районный Совет от Ново-Сокольнического, ныне Русаковского трамвайного парка. Это был день Корниловского совещания. Наш профсоюз городских рабочих и служащих дал директивы высадить из вагонов членов Карниловского совещания (они пользовались безплатным проездом). Я работал тогда на линии и мне пришлось как раз на Лубянской площади высаживать одного члена; тогда часть интеллигентной публики стала ругать и

угрожать мне, но рабочие сидевшие тут же стали на мою сторону. Я остановил вагон и высадил члена Карниловского совещания.

В сентябре, точно числа не помню, на заседании Пленума Райсовета, который происходил в театральном зале Ермаковского работного дома, нашей францией в повестку дня был поставлен вопрос о создании Красной Гвардии. В то время Исполком состоял из меньшевиков и правых эс-эров. Председатель собрания был Лузин, секретарь—меньшевичка—Бланк, называющая себя об'единенкой. Когда стали дебатировать этот вопрос, то меньшевики и правые эсеры возражали против создания Красной Гвардии, но предложенная нашей фракцией резолюция „требовать от Московского Совета вооружение рабочих" была принята абсолютным большинством.

Затем, точно числа я не могу упомнить, но только это было в конце сентября или в начале октября—на пленуме рассматривался вопрос о пресловутом циркуляре министра труда Скобелева о фабрично-заводских комитетах, где нашей фракцией была предложена резолюция „об отмене этого циркуляра". Она принята была абсолютным большинством пленума, хотя Исполком пытался саботировать все эти постановления. Тогда наша фракция, учитывая настроение пленума, стала подготавливать перевыборы Исполкома.

В октябре,—приблизительно в середине, я хорошо помню, как назревал саботаж. Эти были наши последние два пленума до Октябрьских событий.

На первом—неожиданно для фракции—товарищем Комаровом было предложено вынести порицание Президиуму Исполкома, который опоздал на заседание пленума. Я помню как он встал со скамейки и попросил слово вне очереди и начал обвинять Президиум за его опоздание, тогда Бланк меньшевичка, не сдержалась и стала истерически кричать,

обвиняя т. Комарова в том, что он груб и невежа: разгорелись страстные дебаты и результате Бюро фракции предложила резолюцию недоверия Исполкому. Большинством голосов пленум постановил: вынести недоверие Исполкому и переизбрать его на следующем пленуме. Последний пленум был в том же зале Ермаковского работного дома; там же происходили перевыборы.

Я хорошо помню эти перевоборы. Голосование было тайное: голосовали бюллетенями, оставшимися от выборов в Районную думу под прежними номерами, т.-е. наша фракция голосовала за 5-й номер, меньшевики - за 4-й, эсеры - за 3-й. От нашей фракции были выставлены следующие кандидаты: т. Маленков, т. Русаков, т. Конакотин, т. Новиков, т. Комаров, т. Шоменко, т. Бродская, т. Котов, т. Ефремов и т. Паперный. В результате голосования наш список получил абсолютное большинство голосов, и выставленные кандидаты все прошли. По списку от меньшевиков прошел Гуревич, от эсеров, кажется, - Лузин.

Затем накануне Октябрьских событий в здании Совета на 8-ой Сокольнической ул. собралось вечером Бюро Фракции Исполкома в угловой комнате, выходящей во двор помещения; часов в 7 вечера было сообщено т. *Русаковым* о развернувшихся событиях в Петрограде и в Москве. На предложение Райкома выдвинуть Ревком, тут же был избран Ревком, в который вошли: т. т. *Русаков*, *Ефремов*, *Бродская*. После заседания я с тов. *Шоменко* отправились домой. На углу Сокольнической улицы стоял грузовой автомобиль, и на нем было человек 10 или больше вооруженных юнкеров. Тов. *Шоменко* пошел в Совет предупредить оставшихся там товарищей, членов Ревкома, а я отошел дальше и стал срывать по заданию Ревкома плакаты, которые расклеивали эсеры от Комитета Спасения Родины.

На следующий день рано утром по дороге на

службу мне сообщили, что в центре ночью началась стрельба и что есть убитые и раненые. Прихожу в парк, я тогда был членом завкома, поднялся наверх в дежурную комнату, где по указанию тов. *Жикина* я остался дежурить. Полторы суток я оставался в комитете: мы с товарищами поставили охрану парка, другие организовали отряды Красного Креста; нашли среди кондукторов двух фельдшеров, взяли медикаменты из приемного покоя, снарядили вагон и отправились в центр.

Настроение среди рабочих и работниц было боевое. В понедельник 29 я вырвался из Комитета и ушел в штаб Ревкома.

Я впервые увидал массы рабочих отрядов, ждущих отправки на позицию. Мне пришлось исполнить ряд поручений. Пришлось вместе с тов. *Сарой Бродской* побывать на Мясницкой. Моим глазам представилась следующая картина: мачты трамвайные были повалены, и вся Мясницкая была опутана трамвайной проволокой. С трудом мы проехали Мясницкую улицу.

10 ноября были похороны жертв Октябрьской революции. У нас в районе в Бахрушинской и Сокольнической больницах находилось семь человек погибших товарищей под кремлевскими стенами, на Мясницкой ул. и во время взятия телефонной станции.

Я помню морозное утро; ветрено, мелкая гололедица. Мы вынесли из „Золотого Якоря“ семь гробов, все рабочие организации под своими номерами друг за другом встали. Руководителем был — тов. *Конокотин*. Впереди знамя района, а затем гроба, выкрашенные в красный цвет. По бокам почетный караул, сзади Райком и Исполком с красными повязками на рукавах.

Народу было очень много. В шествии принимали

участие все фабрики и заводы. Настроение было бодрое.

Вот все, что у меня осталось в памяти, чем я могу поделиться.

Новиков.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. Ф. ЗЕНЮК.

Еще за несколько месяцев до Октябрьской революции наша ячейка РКП в противовес эсеровско-меньшевистским влияниям развила политическую агитацию среди рабочих, где имела огромный успех. Меньшевики и эсеры потеряли абсолютно всякое влияние. Еще в июльские дни масса рабочих русаковцев была готова к захвату власти; организован был отряд Красной Гвардии не только из коммунистов, но почти большинство были беспартийные. Приобрели оружие и шла усиленная подготовка. В то время коммунистическая ячейка насчитывала около 30 членов. Уже накануне выступления все рабочие, как один, об'явили забастовку и присоединились к воззваниям РКП: „все на баррикады".

Под руководством т. Филиппова, Беца и Бакина вышли на улицу, устроили баррикады; здесь были и мужчины и женщины, отцы, матери, сыновья, дочери. В район выслали Красную Гвардию, установили дежурства, наладили связь с районом. Появились раненые. Организовали санитарные отряды; выслали санитарные вагоны на Мясницкую и к Сухаревой. Выслали вагоны, подвезли подкрепление и способствовали переброске революционных рабочих в бой с белыми. Не спали днями и ночами. Все активнейшие шли в революционный штаб. Работа кипит. Все наготове. Рабочих и работниц полон парк. Настроение приподнятое. Все уверены в победе. Белые побеждены!...

Собрание около 1000 человек. Тов. Филиппов делает доклад о том, чего рабочий класс добился и какие задачи впереди. Все как один принимаются за восстановление разрушенного. Восстанавливают движение, укрепляют и пополняют ряды Красной Гвардии.

Тем заканчиваются Октябрьские дни.

Самыми выдающимися в то время были, насколько я помню, следующие коммунисты: т.т. Филиппов, Бакин, Бец, Коновалов, Думшо, Новиков-Кузьмин, Жикин, Белаков, Ульянов, Носов. Из беспартийных: Соцкий, Симаков, Вольнов, Плешин, Базянин, Лучкин, Фестов, Зарубин и многие другие, которых не вспомню.

Вот приблизительно события Октябрьских дней и участие в них ячейки РКП русаковцев. Многие товарищи потеряли силы и жизнь, многие выбыли, а многие пришли вновь продолжать начатое дело борцов за революцию.

Ф. Зенюк.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. МОРОЗОВА.

Я хочу радостно отметить, вспоминая октябрь 1917 года, как я активно участвовал в борьбе с винтовкой в руках.

После государственного совещания 12-го августа 17 г. и поползновений генерала Корнилова, наша партия еще энергичней взялась за пропаганду, за восстановление Советской власти. Мне как рабочему приходилось наблюдать настроение беспартийных масс. Среди них был определенно сдвиг влево. Я хорошо помню общее партийное собрание 23-го IX—1917 г. нашего района на заводе Земгор, где т. Арншам делал доклад о М. К. Он говорил о выступлении в ближайшие дни с оружием в руках и о свержении временного правительства

во главе с Керенским; некоторые наши партийные товарищи пали духом, указывали что еще не пришел час.

После горячих прений резолюция за выступление была принята единогласно.

Еще хочу напомнить, 26 сентября 1917 года было в нашем районе расширенное собрание Пленума Совета совместно с представителями Фабрично-Заводских Комитетов. Наши противники: эсэры и меньшевики высказывались против выступления.

Хочу напомнить еще один факт, как покойный *Иван Васильевич Русаков* говорил с энтузиазмом: „Только с винтовкой в руках мы можем быть победителями; время пришло, медлить мы ни одной минуты не должны, товарищи, в бой". На этом собрании большинство беспартийных рабочих присоединились к Октябрьскому восстанию.

При нашем Сокольническом трамвайном парке был небольшой отряд Красной Гвардии в 35 человек; часть из них беспартийные. Из своей среды они выбрали инструктора для обучения тех товарищей, которые не могли владеть оружием.

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. в нашу ячейку сообщили из Райкома, чтобы все партийные товарищи шли в Ревком Райкома. Оттуда часть наших товарищей была отправленн в Московский Совет, а часть были посланы в пикеты; мне пришлось итти пикетом на Сокольническую трамвайную станцию, где пробыл до 8-ми часов вечера 26-го—IX. После смены пошли мы в Ревком на 8-ю Сокольничью, наш Ревком в лице т.т. *Ефремова, Сары Бродской* и т. *Смирнова* жадно выслушивали каждое сообщение и донесение. Хотя они и бодрствовали, но на лицах их заметно было сильное переутомление. Мне пришлось с 9-ти часов вечера ходить патрулем до 11 ч. вечера. Затем вернулся обратно в Ревком, куда пришло донесение, что на Каз. ж. д. имеется

большое количество оружия и патрон; сию же минуту снарядили грузовик, поехали за оружием во главе с т. Арнштамом. В эту ночь мы привезли несколько автомобилей с винтовками. А орудия беспрерывно гудели и были слышны редкие выстрелы винтовок. Утром 27 октября я сходил домой, показался жене, побеседовал с детишками и к 5-ти часам вечера пришел обратно в Ревком и больше домой не приходил до полной победы.

27-го всю ночь и весь день 28-го мне пришлось ходить патрулем; в один из последних дней боев нам сообщили, что Александровское Военное училище во главе с белыми юнкерами сдалось. Нашему району приказали ехать забирать оружие и патроны. Отправились мы на грузовике: маршрут наш был до Красных ворот, по Садовой Триумфальной, от Триумфальной Садовой к Страстному бульвару; поехали Страстным бульваром через Никитские ворота, переезжая Никитские ворота, попали под обстрел, но к нашему счастью никто не был ни ранен, ни убит. Когда мы приехали к Александровскому военному училищу, взошли в помещение, я увидел следующую картину: вся белая сволочь была пьяна, я видел горы корзин с разными винами, и часть из них порожними. Нагрузили мы полный автомобиль оружия и уехали. Итак в эту ночь пришлось с'ездить два раза за оружием. Всего запомнить не могу. На этом заканчиваю свои воспоминание об Октябрьских днях.

Рабочий Сокольнического
Трамвайного Парка *Морозов.*

1 X—22 г.

МЕСТНЫЙ КОМИТЕТ
СЛУЖБЫ ДВИЖЕНИЯ
НОВО-СОКОЛЬНИЧЕСК. ПАРКА.

3 ноября 1917 г.

№

В Сокольхический Райохный Революциохный Комитет.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Местный Комитет Службы Движения, имеет честь заявить Революционному Комитету нижеследующие:

При Новосокольническом парке имеется столовая, из которой отпускаются обеды своим служащим, а также в настоящий момент служит питательным пунктом для солдат Революционного Комитета. Согласно определения мясного отдела М.Г.О.У., которым постановлено еженедельно отпускать для столовой Ново-Сокольнического парка „мяса" (кол.) 17 п. 20 ф. с городской бойни.

В виду неимения мяса и согласно вышеизложенного, местный комитет просит Сокольнический Революц. Районный Комитет отпустить вышеозначенное количество мяса и для перевозки транспорт.

Председатель **Жиких.**

Секретарь **Стариков.**

Помещая копию подлинника заявления Местного Комитета Службы Движения Новосокольнического парка в Сокольнический Районный Революционный Комитет, по техническим условиям старую орфографию заменяем новой.

Алексеевско - Растокинский подрайон

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. САМАРИНА.

Алексеевско-Ростокинский подрайон об'единял до 15 тысяч рабочих, в него входило до 40 фабрик и заводов, из них более крупные: завод Михельсон, Ферман, Глинсбург, Дроболитейный, Сусоколова, Алексеевская водокачка „Коса" и другие.

Самую крупную организующую роль играл металлический завод Михельсона.

На всех этих заводах имелись большевистские ячейки. Большинство из них были представлены в Московском Совете большевиками.

Подрайонный совет также был в руках большевиков.

Организация Красной Гвардии началась в районе задолго до Октябрьского переворота.

Июльская демонстрация убедила рабочих в неизбежности кровавого столкновения с буржуазией и ее прихвостнями.

Рабочие приступили к перевыборам в Московский Совет, большинство которого составляли меньшевики.

Одновременно возникает мысль об организации рабочей Красной Гвардии.

На заводе Михельсон организуется штаб.

Все рабочие, способные носить оружие, с особой гордостью шли в Красную Гвардию.

Дело в том, что среди членов партии было течение за организацию чисто коммунистической гвардии, и только как исключение принимались беспартийные; этим и об'ясняется малочисленность Красной Гвардии: во всем районе было около 200 ч.

Остальная масса обучалась военному делу при помощи инструкторов-красногвардейцев.

Среди красногвардейцев была установлена строгая дисциплина: они несли караульную службу на заводах, охрану оружия и т. д.

Для приобретения оружия был устроен среди рабочих специальный сбор: михельсоновцы отчислили дневной заработок; на эти деньги было куплено 40 винтовок австрийского и немецкого образца и к ним по 20 штук патронов.

Кроме того, через меньшевика Богданова в Алексеевском комиссариате удалось достать 11 берданок; взяты они были якобы на временное пользование для охраны завода.

Было известно, что после февральского переворота во 2-м Пресненском комиссариате осталось оружие. Туда послана была делегация, которая должна была уговорить комиссара, меньшевика, отдать нам винтовки, как нам принадлежащие. Мы их отобрали у черносотенцев. Меньшевик требовал разрешение Московского Совета, а получить его было мудрено, так-как в Совете было меньшевистско-эсеровское большинство.

На капсюльном заводе удалось достать, вернее украсть, несколько десятков ручных гранат.

Вот и все вооружение штаба, не считая несколько револьверов, благоразумно припрятанных членами партии с февральского переворота.

Проделана была также предварительная работа по подготовке красных санитаров; врач завода Михельсона, меньшевик Дыхно, любезно учил работниц оказывать первую медицинскую помощь.

На заводах одни обучались военному делу, другие — санитарному; „дисциплина заводская пала". И неудивительно, что последовал циркуляр Министерства Труда о поднятии дисциплины.

Накануне событий мы в районе имели 200 плохо вооруженцых красногвардейцев, санитарный отряд и почти всю рабочую массу, шедшую за нами.

Администрация завода была парализована и

под давлением штаба, со скрежетом зубовным, вынуждена была оказывать нам содействие.

Рабочих все больше и больше охватывало боевое настроение.

На угрозу Рябцева разогнать организовавшийся Московский Революционный Комитет, рабочие откликнулись восстанием.

В подрайоне был организован Ревком, и уже 30 октября в подрайоне власть перешла в руки Алексеевского Ревкома.

Был захвачен комиссариат, помещение районной думы. На заводах завкомы стали господами положения, распоряжаясь имуществом заводов и подчиняясь исключительно приказаниям революционной власти.

Справившись в подрайоне, захватив все средства связи, транспорт, Ревком бросил все силы в центр. В районе было оставлено только необходимое количество людей для окончательного вылавливания и разоружения белогвардейцев и борьбы с бандитизмом.

Все лучшие руководители подрайона направились в Горрайон к Сухаревой, где помещался Ревком.

Отправлялись наскоро организованные боевые рабочие отряды, санитары, рабочие постарше — с лопатами, кирками.

Бедный рабочей массой, Горрайон ожил; повеселели лица у Ревкомовцев,—Алексеевцы принесли с собой бодрость и уверенность в победе.

Когда мы пришли, у Ревкома перевозочных средств не было; связь была слабая, царили разброд и растерянность, еще только нащупывались пути.

С приходом алексеевцев, все близлежащие улицы в несколько часов покрываются окопами и баррикадами; усиленно вылавливаются белогвардейцы; выясняются занятые ими пункты; у Ревкома

сосредотачивается весь транспорт района; весь район привлекается к служению Ревкому, и недельная упорная борьба, без сна и отдыха, приводит к окончательной победе.

Так участвовали рабочие Алексевско-Ростокинского подрайона в Октябрьском перевороте.

Слава ее участникам!

Вечный позор и стыд трусам—меньшевикам и эсерам, стоявшим в эти кровавые дни в сторонке!

Самарин.

Завод Михельсон в Октябрьские дни.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. ТАРАЧКОВА.

У нас, на заводе Михельсон, после февральской революции среди рабочих вначале пользовались популярностью эсеры и меньшевики. Но постепенно сознание рабочих прояснилось, и в политическом настроении произошел характерный перелом.

Наряду с этим стало нарастать среди рабочих нашего завода справедливое негодование и недоверие против эсеро-меньшевистской власти, так как, вместо обещанной и долгожданной земли и воли, пролетарии получили „землю и пулю". По призыву большевиков решили организовать Красную Гвардию.

С этой целью был избран начальник Красной Гвардии, анархист тов. Бекренев и я помощником начальника. Принялись за систематическое военное обучение. Оружие—винтовки, револьверы, патроны и бомбы — приобреталось различными способами: покупались за деньги у солдат и на средства рабочих.

Рабочие завода Михельсон явились в то время инициаторами революционной работы в Алексеевско-

Ростокинском районе и служили центром политического об'единения рабочих заводов нашего района; к моменту Октябрьского переворота наша Красная Гвардия выросла до 50 человек.

Особенно горячее участие в организации Красной Гвардии принимал анархист тов. *Бекренев* (ныне коммунист), т. *Самарин* — секретарь завкома (в настоящее время студент свердловец), тов. *Верзамнек*, убитый в первое наступление у Московского Почтамта, тов. *Огильба* и ряд других.

Накануне вооруженной схватки нашей Красной Гвардии в центре города, т. *Бекренев* предложил мне собрать отряд, направиться в центр и занять редакцию „Московского Листка". Я не соглашался, ссылаясь на отсутствие распоряжения из центра. Тогда тов. *Бекренев* собрал немногочисленный отряд и направился туда и сейчас же был окружен юнкерами. Первое время он с нами сносился по телефону и просил помочь выбраться из создавшегося положения. Послана была разведка, по сведениям которой выручить их не представлялось никакой возможности.

Настроение в городе было напряженное. Чувствовалось, что должно произойти что-то грандиозное. События не заставили себя долго ждать, и после проведенной неспокойно ночи на другой день открылись военные действия.

В этот день рабочие завода Михельсон на работу вышли своевременно, но к работам не приступали, а, собравшись группами, горячо обсуждали создавшееся положение.

Утром завком созвал собрание рабочих, выступали эсэры и меньшевики, призывали от вооруженного выступления воздержаться, но их агитация, как и всюду уже, не действовала на рабочих. Затем выступили с.-д. (большевики). В горячих призывах раз'яснили рабочим значение создавшегося положения.

В настроении рабочих замечался особый революционный под'ем и твердость, только незначительная часть оставалась пассивной. После собрания небольшими группами рабочие направились в центр. Т. т. *Самарин, Верзамнек* и я получили распоряжение В. Р. К. Горрайона вырыть окопы и забаррикадировать Сухареву площадь со всех сторон, что нами и было исполнено с помощью солдат, привлеченных из Спасских казарм. Это делалось с целью обороны штаба Ревкома Горрайона, находящегося на углу Сухаревки и 1-й Мещанской ул.

Тов. *Верзамнек* получил назначение направиться с отрядом к передовым позициям к почтамту, где через часа два или три был убит в бою с юнкерами. В этот же день рабочие фабрики и завода нашего района продолжали приходить в штаб В.Р.К., где они быстро и довольно сносно вооружались, получали продовольствие, группировались отдельно в отряды и десятки и направлялись на боевую линию.

Из работниц—женщин, пришедших в завком, формировались санитарные отряды, которые организовывали перевязочные пункты и направлялись в соответствующие боевые места.

Считаю необходимым отметить деятельное участие санитарки-работницы т. *Кузнецовой*, которая неоднократно при исполнении своих обязанностей подвергалась обстрелу со стороны противника и, не смущаясь этим, продолжала спокойно перевязывать раненых.

Вся эта лихорадочная работа происходила в течение 7-ми бессонных тревожных суток и впоследствии, как известно, не оказалась бесплодной, а принесла неизмеримое счастье угнетенному человечеству.

Член Р. К. П. *Тарачков.*

3/X—22 года.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. И. П. ЭЙХМАНА.

В первый же день восстания наш отряд Красной Гвардии ушел в центр.

После ухода отряда, по поручению партии, остаюсь в комитете я, *Самарин, Врублевский, Огильба.*

Слышна стрельба; в комитете не сидится и страшно хочется уйти в центр разделить и труд, и опасность.

Темная ночь, грязь, но настроение отличное. Все вместе решили итти на водокачку, вооружиться, взять автомобиль и отправиться в Горрайон. Правда, насчет оружия было слабо: кое у кого из нас были револьверы, но я до сих пор не уверен, были ли они в исправности и были ли еще пули.

На водокачке приняли нас не совсем хорошо, т.-е. правильнее сказать, выгнали с предупреждением не показывать больше носу, а на наши угрозы взять автомобиль силой, кажется, *Семкин* и *Меркулов* заявили, что они ответят на это остановкой работы водопровода. Положение серьезное. Тов. *Самарин* уверяет, что на водокачке одни эсеры, и мы ни с чем отправляемся обратно в комитет. В комитете скучно, хочется движений. Тов. *Огильба*, человек горячий, настаивает на том, чтобы пробраться в город пешком; мнения разделяются, и благоразумие заставляет нас остаться до утра для дежурства в комитете.

С рассветом мы уже на фабриках, организуем митинги, призываем к борьбе, просим помочь товарищам на баррикадах и тут же создаем боевые дружины. Организовали два отряда по 20 человек; один отправили в центр, с другим остался я. Вооружаемся кирками, ломами, топорами, лопатами и отправляемся на автомобиле, присланном из гаража авто-мастерской нашего района в Горрайон для рытья окопов. Шоффера, — наши же товарищи-коммунисты *Фомин* и *Самохвалов*, выехали

благополучно. Доехали до Сухаревки — „остановка". Сухаревку занимает какой-то отряд, спрашивают документы, кто, откуда; узнав в нас рабочих, отпускают.

Вот, наконец, и Ревком. В Ревкоме толкотня, озабоченные серьезные лица. Приказание итти рыть окопы. Оружия опять недостаточно. Получаем новое приказание итти в Народный Дом, находящийся на Сухаревой площади. Там задания пока хозяйственные: приготовить обед для уставших борцов, взять хлеб, сахар, накормить солдат при Ревкоме. Все время идет суматоха, приходят солдаты с разведки, рассказывают о происходящих на Лубянке боях, все жалуются на недостаток оружия и трудность борьбы. Нужно пускать автомобили, нет бензина, справляемся в Горрайоне, там тоже его нет. Вспоминаю, что у нас, на заводе, имеется запас в 5 бочек, передаю это в Ревком и получаю немедленное приказание доставить бензин. Приезжаю на завод, беру бочку и отправляю. Заведующий ругается, пытается что-то говорить и что-то делать, но никто не обращает внимания. Оказалось, что одной бочки мало, пришлось отправить все, что было, в Горрайон. Эта хозяйственная работа надоедает, несмотря на то, что сознаешь ее важность и необходимость, а все-таки хочется идти туда, к ним, хочется боя.

Вот, наконец, опять в Ревкоме. Здесь опять работа—рыть окопы, охранять, итти на разведку. Четверо суток без сна, если не называть сном короткий отдых где-нибудь в уголке.

Но слышим радостные вести: юнкера разбиты, и мы получаем новое предписание итти охранять свой район.

И перед нами новая полоса: будничная, кропотливая работа и долгие дни неустанной борьбы за права и свободу рабочего люда.

Иван Павлович Эйхман.

Участие Московского Дроболитейного и Патронного Завода в Октябрьской Революции 1917 г.

Из числа 225 рабочих в первые же дни революции организовалась боевая дружина в 20 человек.

Все время революции завод представлял собой квартиру, штаб и базу, откуда рассылались различные распоряжения, оказывалась помощь материалами, так, например, было отпущено 100 пудов бензина и различные инструменты.

В общем завод служил центральной базой охраны района и сношений с центром.

Управляющий заводом **Эйхмах.**

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. П. УСКОВА.

Мне, как рабочему, дороги те воспоминания, которым в нынешний октябрь минет пять лет.

Во время революции 17 года я работал в Алексеевском комиссариате и был делегатом от милиционеров в Профсоюзе и районном совете Р. Д. Подбор милиционеров был случайный, мало сочувствующий Октябрьскому перевороту; среди них трудно было работать, но считаться с ними приходилось, потому что они были вооружены.

Штаб Красной Гвардии был организован при заводе б. Михельсон. Что бы привлечь на свою сторону милиционеров, устроили несколько об'единенных заседаний штаба Красной Гвардии с представителями от милиции. В результате—имевшееся у милиции оружие в количестве 113 винтовок было передано в штаб К. Г. Вот с этим-то оружием и пришлось выступать штабу К. Г. Алексеевского района.

Надо отметить, что неутомимой энергией руководителей штаба К. Г. были подготовлены удар-

ные ячейки по фабрикам и заводам, из партийных и беспартийных товарищей, которые в момент выступления были на своих местах: кто в бою, кто — в разведке, а кто дежурил в штабе. На следующий день было получено из городского района достаточное количество оружия, и борьба с белогвардейцами как в центре, так и на местах закипела.

Коммунистическаа партия, Красная Гвардия рабочих и солдат восторжествовала.

Член РКП *П. Усков.*

Осада кадетского корпуса.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. ИГНАТОВА.

Октябрьский переворот не был для нас неожиданным. На митингах и собраниях о нем говорилось, и все к чему то готовились.

Наша фабрика к этому времени стала. Хозяин, ссылаясь на отсутствие заведующего, закрыл ее.

Я, состоя в соглашательском заводском комитете, напрасно настаивал на пуске фабрики и старался удержать рабочих на местах.

В ночь с 25 октября на 26-ое усиленная пальба в Москве подняла нас почти всех на ноги.

С рассветом все рабочие, с заводским комитетом во главе, двинулись к Алексеевско-Ростокинскому подрайону. Нас встретили т. т. *Калыгина* и *Иванова* с призывом: „Товарищи, идите поддерживать своих. Временное правительство мобилизовало всех своих офицеров, которые засели в центре города".

Несмотря на стрельбу, мы пришли в Районный Совет и записались в Красную Гвардию. Получив мандаты, отправились на Сухареву площадь в штаб за оружием.

На улицах пустынно: живой души не видно, только редкие патрули проверяют документы да промчится грузовик с вооруженными рабочими и солдатами. Шла беспорядочная стрельба из винтовок, зловеще стучал пулемет.

В штабе дежурили двое суток, на третьи отправились на грузовике, отвезти патроны к Яузе.

Под'езжая к реке Яузе, увидели кадетские корпуса. Там засели офицеры и кадеты. Шла усиленная ружейная стрельба. Ехать посреди улицы было нельзя. Грузовик медленно продвигался почти по самому тротуару к месту назначения, к маленькому одноэтажному домику, недалеко от берега Яузы, где стояли наши орудия.

Радостно встретили нас солдаты и рабочие и бросились выгружать снаряды. Сейчас же наши открыли усиленную стрельбу по кадетским корпусам Те, мрачно выглядывая зияющими пробоинами, отстреливались.

Двое суток я принимал участие в осаде, потом вернулся в свой районный штаб и тут узнал, что убит белогвардейцами у почтамта тов. *Верзамнек.*

Через день стрельба умолкла. Офицеры сдались.

Радостные возвратились мы на фабрику и оставшимся рабочим рассказывали о всех событиях этих тревожных дней.

Член Красной Гвардии
фабрики Ферман *Игнатов.*

6 X 22 года.

Из воспоминаний о работе Жел.-дор. района в дни Октябрьской революции.

К Октябрьской революции район имел ячейки на всех дорогах и в большинстве служб, и влияние ячеек на рабочих было огромное. Основное пролетарское ядро ж.-д. было завоевано, этого мы считали достаточным, чтобы с его помощью сломить возможное сопротивление враждебых нам верхушек ж.-д. аппарата. Роль ж.-д. района в Октябрьскую революцию в Москве была совершенно своеобразна и не похожа на роль других районов.

Райн. К-том была создана по образцу Москов. К-та партийная пятерка для руководства работой; она целиком вошла в Военно-Революц. К-т, созданный Районным Советом Раб. Депутатов.

В пятерку входили—*Пятницкий, Зимин, Черняк, Амосов, Гриша Ароштам.* В Военно-Революц. К-т кроме того входили: т.т. *Гусев, Розит, Дианов* и беспартийный *Бутенко.* Тов. *Гусев* был назначен Военно-Революционным Комиссаром узла; на дорогах были созданы свои Рев. К-ты, работавшие под руководством районного. Основной задачей было захватить вокзалы, обезоружить находившиеся там враждебные нам элементы (милицию и пр.), не допустить продвижения враждебных нам войск в Мо-

скву. Эта основная задача была выполнена районом блестяще. Вокзалы все время были в наших руках, и между ними поддерживалась связь. На вокзалах было отобрано большое количество оружия, которым была вооружена железно-дорожная Кр. Гвардия. Попытки направления в Москву враждебных нам войск были предотвращены и несколько эшалонов их, пытавшихся продвинуться, были задержаны в пути и не пропущены. Моск. К-т направлял к нам все экстренные выпуски газет, и мы их посылали с поездами в провинцию.

Помимо этого, через посредство Ж.-Д. района по железно-дорожному проводу удалось установить и поддерживать связь с Петроградом, чего нельзя было сделать по городским проводам.

Отдельные отряды красноармейцев ж. д. посылались в распоряжение В. Р. К-та Москвы для непосредственного участия в боях. В них погиб видный работник с Курской дороги т. *Зотов.* В самый критический момент Московского восстания ж. д. район оказал громадную услугу.

В разгар боев у В. Рев. К-та нехватало оружия. Были части способные сражаться, но не было винтовок, а юнкера наступали. В это время В. Рев. К-т Казанской дороги произвел проверку вагонов и нашел несколько вагонов с новыми винтовками и патронами. Обнаружены они были красногвардейцем *Маркиным,* осмотрщиком вагонов при обходе станции; он немедленно сообщил об этом штабу. Тотчас же вагоны были вскрыты, к ним приставлена охрана, а часть была передана в паровозные мастерские, где находился штаб Красной Гвардии.

Немедленно по получении этого сообщения, по поручению товарищей, я отправился в Военно-Революционный Комитет Городского района, помещавшийся в трактире у Сухаревой башни, и сообщил о найденных винтовках. Оттуда немедленно вы-

слали грузовой автомобиль для погрузки винтовок, которые были крайне необходимы.

Затем были оповещены Московский Военно-Революционный К-т и соседние районы Сокольнический и Лефортовский, которые также начали немедленно вооружаться этими винтовками. Прислали за ними и из Рогожско-Симоновского и Замоскворецкого районов; к 4 часам был получен от Центрального Военно - Революционного Комитета за подписью тов. Усиевича приказ немедленно доставить винтовки в центр, что и было исполнено. Всего было роздано до 40.000 винтовок.

Эти винтовки сыграли решающую роль, — получив вооружение, революционные войска перешли в наступление, и скоро всякая опасность Совету миновала. Долгое время несколько ящиков этих винтовок еще оставались сначала в Кр. Гв. на Казанской дор. и потом в отряде особого назначения.

Хорошо помню такой момент из работы в эти дни.

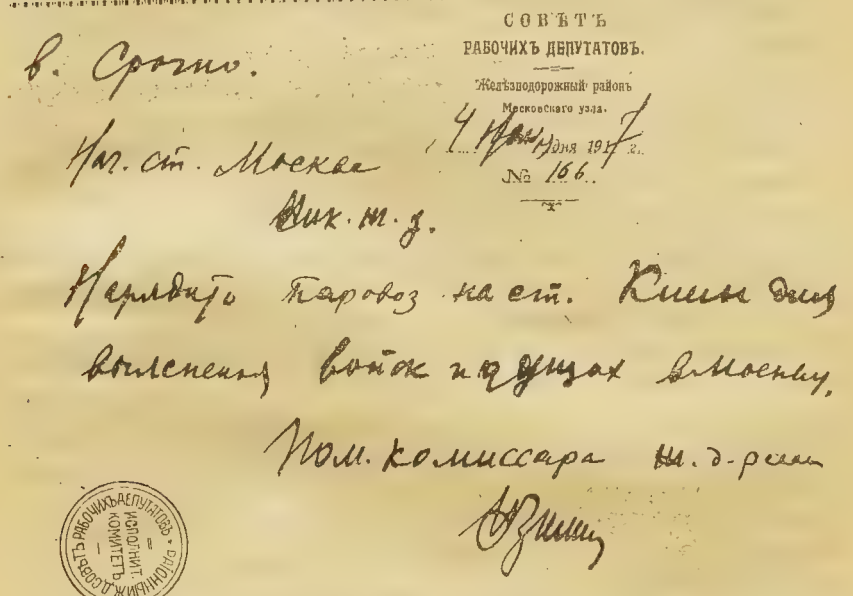
В одну из ночей, когда уже победа революционных войск почти не подлежала сомнению, к нам, в Военно-Революционный Комитет Железно-дорожного района, расположенный в бывшем царском павильоне у Николаевского вокзала, где в это время из членов Военно-Революционного Комитета находились я и тов. Амосов, вбежали с сильно испуганными лицами члены знаменитого *„Викжеля“* Платонов и Кравец и сообщили: „Из Бологое по направлению к Москве идет бронированный поезд. Поезд этот был в руках Керенского, очевидно, и теперь в нем едут его войска; вслед за поездом едут, стремясь его догнать, два эшелона матросов. Поезд, угрожая оружием, не позволяет себя задерживать. Необходимо ехать навстречу и выяснить, кто едет в поезде, и если войска Керенского, то какими угодно средствами, но его надо задержать,

так как если он придет в Москву и примет бой у вокзала, то произойдет колоссальное несчастье". После краткого обмена мнений решили, что надо ехать навстречу. Тов. *Амосов* остался в Военно-Революционном К-те, я же отправился на Николаевский вокзал и вместе с Членом Военно-Революционного Комитета Николаевской дороги тов. *Бочаровым* выехал на паровозе навстречу поезду, дав распоряжение задержать поезд в Клину до нашего приезда. Не доезжая одного пролета до Клина, на какой-то платформе, названия я не помню, наш паровоз остановили. Оказалось, что бронированный поезд уже выпустили из Клина, и он должен сейчас прибыть на эту платформу. Сделав распоряжение закрыть семафор, дабы задержать поезд, мы условились с тов. *Бочаровым* следующим образом: я должен был по остановке поезда войти туда и узнать, кто в нем едет. Тов. же *Бочаров* должен был оставаться у вокзала и ждать моего возвращения в течение 5 минут, в случае же моего неприхода за это время —сообщить в Москву, чтобы разобрали пути или выслали паровоз навстречу поезду для столкновения. Так мы и сделали. Я попытался, не входя в поезд, спросить у часового, стоявшего на платформе и охранявшего пушки: „Кто едет в поезде", на что получил ответ: „Не твое дело".

Из поезда послышались голоса: „Что за задержка, кто остановил поезд?" Тогда я сказал, что поезд остановил я, и велел провести себя к начальнику поезда. В вагоне начальника я уведел группу матросов и в средине знакомую фигуру доктора москвича, — фамилии его я не помню, —ехавшего с ними. После кратких расспросов и приветствий я выяснил, что в поезде едут революционные войска на помощь Москве, но что, действительно, в этом поезде были раньше войска Керенского, но они были загнаны в тупик и сдались без боя. Я вышел

из поезда, велел его пропустить без препятствий в Москву и сообщить об этом по телеграфу в Викжель и в Военно-Революционный К-т, сам же с тов. *Бочаровым* поехал в Клин, т. к. здесь было нельзя повернуть паровоз.

Из Клина мы пропустили два других поезда с революционными войсками и с бодрым и радост-



СОВѢТЪ
РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.
Желѣзнодорожный районъ
Московскаго узла.
4 Июня 1917 г.
№ 166.

в. Срочно.
Нач. ст. Москва
Вик. ж. д.
Нарядить паровоз на ст. Клин для выяснения войск идущих в Москву.
Пом. комиссара ж. д. р-на
[illegible]

Фотография письменного распоряжения тов. Зимина о снаряжении паровоза для поездки в Клин, с целью выяснения войск, шедших в Москву.

ным сердцем поехали обратно в Москву, куда приехали около 8½ часов утра. Тов. *Бочаров* сохранил письменное распоряжение от Военно-Революционного К-та о подаче паровоза для этой поездки.

Всю эту работу приходилось проводить при яром сопротивлении Викжеля, находившегося тут же в своей Моск. части и принимавшего все меры с своей стороны в другом направлении. Бывшие в

нем два большевика *Бальбахов* и *Кравец* бессильны были изменить его работу, так как были в меньшинстве. Викжель подготовлял об'явление ж.-д. забастовки, в противовес чему Революционным Комитетом было выпущено воззвание к ж.-д., спешно отпечатанное нами в типографии Курской дороги.

После Октябрьской революции чисто партийная работа в районе несколько ослабела. Все силы активных работников дорог были обращены на завоевание линии; значительная часть работников выехала на линию, организуя на местах местные Рев. К-ты. Организованные в Москве Рев. К-ты на дорогах в большинстве превратились в дорожные и их задачей стало овладение и управление всей линией. По Киево-Воронежской, Северной, Казанской и др. были посланы активные работники в том числе и члены Районного Комитета, и поставленная задача была выполнена. Пишущий эти строки вместе с тов. *Фонченко* об'ехал в эти дни линию Киево-Воронежской дороги от Москвы до Киева, останавливаясь во всех более или менее значительных пунктах, устраивая митинги, организуя Ревкомы и пр.

Николай Зимин.

Шесть дней борьбы.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. ПОПОВА.

Историческое заседание пленума Московского Совета 25 октября 1917 года. В повестке дня вопрос: „Вся власть Советам".

Все усилия меньшевиков и правых с.-р. сорвать повестку дня ни к чему не привели; подавляющим большинством было принято: немедленно взять власть, не считаясь с тем, дойдет или нет дело до вооруженного восстания. (В это время Московский

Совет имел подавляющее большинство с.-д. большевиков). Местам было указано немедленно организовать ревкомы, связаться с районами и держать тесную связь с центром.

Я, как член Московского Совета от паровозных мастерских М.-Казанской ж. д., совместно с т. *Давыдовым*, несмотря на позднюю ночь, придя в мастерские, наметили план действий. На утро при мастерских был создан местный Военно-Революционный Комитет из пяти товарищей: *Попова, Давыдова, Кузнецова, Шелаева* и *Шлепкина*, к которому и перешла вся власть не только в мастерских, но и на вокзалах. Сейчас же созвано было общее собрание мастерских, где было доложено решение Московского Совета. Оно было принято единогласно, с приветствием. В дополнение была об'явлена запись в Красную гвардию и отпущены денежные средства в распоряжение Ревкома.

В этот же день, в 11 ч. утра, записавшихся красногвардейцев уже было 120 человек; желающие записаться продолжали прибывать; некоторым приходилось безусловно отказывать. Мы старались подобрать более стойких, молодых и мало-семейных ребят. Этот же ревком принял на себя командование вооруженными силами мастерских; у нас имелось несколько штук винтовок „Гра“ и несколько десятков патронов. Несмотря на плохое вооружение, сейчас же был занят телеграф и другие важнейшие пункты станции; затем часть оружия была взята у милиции, но этого было мало; чувствовалось, что вооруженной борьбы не миновать. Мы знали, что придется бороться с хорошо вооруженными юнкерами, с хорошей военной подготовкой,—по этому было решено во что бы то ни стало оружие добыть.

Мы знали, что в связи с продолжающейся империалистической войной, на товарной станции оружие должно быть. С этой целью на ст. Соколь-

ники была послана сильная разведка, которая выяснила и доложила Ревкому, что на станции имеются ящики с винтовками и гранатами. Немедленно туда был отправлен отряд и подготовлен маневровый паровоз. После недолгой борьбы с охраной (финляндцами), оружие было погружено с платформы в вагоны и на подготовленном паровозе привезено во двор мастерских. Всего было взято 120 ящиков винтовок, но... патронов не было. Некоторая часть патронов была добыта у тов. *Петровцева* и большая часть была взята из Симоновских складов, при помощи грузовика; все это обошлось без всяких инцидентов. Сейчас же сообщено было районному штабу и в ближайшие районы, которые не замедлили на грузовиках явиться во двор мастерских, где им отпускалось соответствующее количество оружия. Таким образом было вооружено, может быть не полностью, но большинство районов Москвы, включая и Замоскворечье и часть, кажется, 56-го полка. Получился вооруженный отряд в 120 человек; часть его несла охрану в районе Москва—Сокольники и по приказу районного штаба—охрану района трех вокзалов.

Но этого казалось мало; наши красногвардейцы не могли оставаться без действия; их тянуло в центр, где уже трещали пулеметы и грохотали орудия.

Они приняли участие в занятии телефонной станции, в бою на Никольской и под стенами Кремля. Кроме этого, боевой задачей нашей было—охранять товарную станцию от бандитов, с которыми частенько приходилось иметь форменные бои, так как в это время часть оружия попала в их руки. Затем, части нашего отряда пришлось несколько раз выезжать на линию и вести борьбу с остатками банд, старавшихся спровоцировать начатую Октябрьскую революцию; такие случаи были на ст. Запутная и Донино. И это происходило

в те дни, когда на улицах Москвы шел бой с отживающим буржуазным строем.

Все действия нашего отряда при мастерских проходили в контакте со штабом, Сортировочной и Перово. Благодаря телефонной и живой связи мы знали, что делается на том или другом участке, нам было известно, как тов. *Бураков* вел, совместно с Перовцами, наступление на кадетские корпуса с северо-восточной стороны, благодаря чему своевременно оказывалась взаимно помощь.

Мы знали, что кольцо вокруг Кремля все сжимается. Часть нашего отряда, засев в здании верхних рядов, вела обстрел Кремля, совместно с другими воинскими частями из районов.

Вскоре после этого, накануне шестого дня борьбы, Кремль пал. Впереди была еще долгая и упорная борьба—мы это знали, а поэтому нашей боевой единице нужно было придать более организованную форму.

С этой целью был организован главный штаб, который поместился в вагоне № 7; подробностей я касаться не буду.

Вскоре я был избран на с'езд мастеровых и рабочих в Петроград, и во главе штаба стал т. *Смирнов*.

Вот мои краткие воспоминания славных Октябрьских дней, которые от поколения к поколению будут передаваться с горячим и живейшим чувством. Теперь наступающий шестой год Советской власти должен быть годом мировой власти рабочих Советов.

М. Попов.

Телеграф в Октябрьские дни.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИЗНИ ТЕЛЕГРАФА КАЗАНСКОЙ Ж. Д.

В тот момент, когда уже фактически власть в Питере перешла в руки рабочих, в Москве события лишь развертывались. Рабочие действовали не совсем организованно, то там, то здесь происходили схватки их с приверженцами Временного Правительства.

В этот самый зачаточный разгар борьбы у нас как раз происходил делегатский с'езд служащих и рабочих телеграфа Казанской дороги. Этот с'езд происходил в помещении бывшей конторы телеграфа по Рязанской ул., в доме № 7. С'ехавшихся делегатов с разных уголков дороги было около 35 человек. С'езд происходил под гул орудий и ружейной трескотни, которая доносилась из разных концов и окраин города. В таких условиях продолжать с'езд не представлялось возможным. Пять делегатов (сторонники переворота), в том числе и я, во главе с товарищем *Орловым* собрали маленькое совещание и решили поставить вопрос по существу, то-есть выявить отношение остальных делегатов к создавшемуся положению, принять участие в общей борьбе совместно с рабочими. Тов. *Орловым* от имени вышеуказанной группы было внесено внеочередное заявление об обсуждении создавшегося положения и предложение примкнуть к борящимся рабочим. Но не тут-то было: нас освистали, назвав авантюристами, занесли все пять фамилий в протокол, заклеймили позором и выразили большинством против пяти—доверие Временному Правительству и Керенскому. На этом работа с'езда оборвалась, и мы тут же, не медля ни минуты, под руководством тов. *Орлова* приняли деятельное участие в борьбе против буржуазии.

Мы вошли в контакт с местным ж.-дор. революционным штабом, получили наскоро краткие указания (инструкцию), оружие и приняли руководство и контроль над работой телеграфов всего Московского узла, так как ни на одной из станций Московского узла не было сочувствующих нам товарищей-телеграфистов; наоборот, встречали нас с насмешкой и иронией; при попытках устроить митинг или собрание нас освистывали при первых же словах и не давали говорить (телеграф Николаевской дороги в Москве). Из-за этого и происходили громадные затруднения в деле связи: нельзя было получить информацию или передать таковую в окраинные пункты Республики и провинцию, что было так необходимо центру. Нас саботировали, устраивали всевозможные повреждения проводов и аппаратов и т. д. Несмотря на все это, благодаря энтузиазму и энергии нашей малочисленной группы, а в особенности нашего руководителя тов. *Орлова* (тов. Орлов погиб на фронте в борьбе против Деникина), удалось преодолеть все трудности и сделать то, что было нам необходимо в этот момент.

Кучка казанцев-телеграфистов в пять человек заняла все главные ж.-дорожные пункты телеграфа Казанской, Николаевской, Северной, Александровской дорог, установила надежную связь с окраинами и этим много, много облегчила переход власти из рук буржуазии и контр-революции в руки рабочего класса.

Участник Октябрьского переворота в 1917 г., телеграфист Казанской ж. дороги *С. В. Москва.*

8/x—1922 г.

На Сортировке.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. НАПЕРСТКОВА.

В момент свержения Николая Романова-Палкина на ст. Сортировочной Казанской ж. д. господствовала партия меньшевиков, которая выдала, как я знаю, 152 партийных билета. Во главе организации стоял т. *Смирнов,* впоследствии член партии большевиков. Были влиятельны так же эсеры, большинство которых было из администрации. Наша же организация большевиков состояла всего из 6-ти человек.

На нашу долю пришлось много работы. Нам надо было разбить обе соглашательские группы, и перетянуть их членов в нашу партию. Это нам удалось: в Октябрьские дни они выступали вместе с нами. Еще до 25-го октября нами был организован отряд самообороны. Но в него записывались меньшевики и эсеры и другой ненужный нам элемент. У нас было 28 винтовок. Для того, чтобы отделить годных бойцов от негодных и сделать отряд действительно революционным, мы, при разбивке отряда на десятки, подчеркнули, что момент серьезный, придется может быть пустить в ход оружие и сложить голову за дело революции. Это имело свои хорошие последствия: наши „друзья“ сейчас же ушли. На другой день из 88 человек осталось только 42. На этих можно было рассчитывать при выступлении. Часть из них тут же вступила в партию большевиков, и к моменту выступления наша организация имела уже более полусотни членов.

Связь с райкомом поддерживал секретарь депо Сортировочная. Организаторами железнодорожного райкома были т. т. *Пятницкий, Маша Черняк, Гриша Арштам* и *Зимин,* которых часто вызывали на Сортировочную для проведения собраний. С

противоположной стороны выступали: нач. участка Курицын, Лавров, меньшевик Малкин и офицеры, которых они приводили проливать слезы по поводу керенского наступления.

Железнодорожный райком определенного местожительства не имел. Как я помню, за время до октября он сменил 4 квартиры. Свои заседания перед выступлением он собирал на Бретской улице, около вокзала. На этих собраниях производился подсчет сил каждой ячейки. Была избрана пятерка в составе: т. т. *Буракова*, *Кабанова М.*, *Смирнова И.*, *Опухтина* и меня, которая руководила подготовительной работой при депо Сортировочная. В 2 часа дня тов. *Смирнов*, пошедший в райком для связи, вызвал маня по телефону и предложил отправить отряд красной гвардии в райком. Я стал снимать мастеровых с работ. Мастер Трофимов стал препятствовать, но я заявил, что не он, а я буду отвечать за это.

Все члены партии собрались в месткоме. Я им об'яснил в чем дело. Сейчас же было решено отправляться в райком. Все собравшиеся были солдатами, да еще старыми. Ехать было не на чем. Поезда прошли. Пришлось мне отправиться к начальнику участка Лаврову требовать паровоз, но он отказался дать его для Красной Гвардии. Тогда я ему сказал, что его арестуем и сообщим об этом в Совет.

— А что разве уже власть у Советов? спросил он.

Я ему на это ответил:

— Давай паровоз! Керенского больше нет. И не время разговаривать.

Не говоря больше ни слова, Лавров взял трубку и отдал распоряжение. Когда я вышел из конторы меня уже дожидалась бригада. Машинистом был тов. *Кирилов*. Я отправил 43 человека, из них 26 с винтовками. Больше не было. Отряд возвратился

в 11 час. ночи с тов. *Смирновым*. Он оставил 26 вооруженных до своего вызова на станции. На следующее утро часть отряда была отправлена в райком до обеда, другая часть—после обеда. Отправились все, за исключением дежурных. С последним отрядом отправился в райком и я. В царском павильоне уже находились красногвардейцы Северной, Николаевской, Казанской и других дорог. Не хватало винтовок и патрон. Я тоже был без винтовки. Мне поручено было отправиться в Московские мастерские Казанской жел. дор. и там узнать о находящемся в мастерских оружии и за одно проверить слух, будто в Сокольники приезжают казаки за сеном для лошадей. Я отправился. Мастерские охранялись красногвардейцами, выставившими свои посты. Винтовок у них было очень мало, патронов тоже. Разузнав все необходимое, я собирался возвращаться. Но в это время появился с 15-тью сортировцами тов. *Уткин*, слесарь, раненый унтер-офицер с фронта, сапер-подрывник. Он сообщил, что в Сокольниках появляются казаки, и что их надо разогнать. Он, вместе с тов. *Блюмбергом*, тоже фронтовиком, отправились на разведку. Я решил их подождать. Возвратились они через полтора часа и сообщили, что казаков нет. Но за то на платформе обнаружили ящики с винтовками, охраняемыми солдатами. Тов. *Уткин* сказал:

— Я сейчас возьму своих сортировцев, и мы все проделаем. Завтра будут у нас русские винтовки.

Я ему сказал:

— Возьми меня.

— Тебя не нужно. У тебя нет винтовки.

— Если кого ранят или убьют—я его унесу. А если меня—мое счастье.

— Нет. Лучше ступай в райком и скажи, что казаков нет.

Тов. *Уткин* с командой отправился в Сокольники. Я сообщил райкому все, что узнал, и отпра-

вился в Сортировку посмотреть, как там дело. Прибыл я сюда в 7 часов вечера. Застал только трех дежурных. На следующее утро (27 октября), придя в комитет, я увидел несколько ящиков с винтовками, около 100 штук. С появлением винтовок отряд наш стал расти и достиг 120 человек. Начальником отряда был тов. *Кабанов*. Отряд нес дежурства в райкоме и на месте. Однако, группа, оставшаяся на месте не могла усидеть; собралась и отправилась в центр. Это было около 11 час. ночи. Вдруг по телефону нам сообщили, что во Всехсвятской появилась группа неизвестных, которая стреляет по слободе и по окопам и что товарищи сидящие в них собираются уходит потому что их обошли с тыла. Я и тов. *Блюмберг* отправились вперед на разведку, а за нами вслед должен был отправиться отряд. У слободки мы встретились с патрулем из местных жителей, но без оружия. Он задержал одного вооруженного и загнал его в чайную Григорьева. Мы отправились туда. Обезоружили его и отослали в комиссариат. Сами мы установили связь с окопами у тюрьмы против кадетского корпуса. Выстроили сторожевую цепь через пассажирскую станцию „Сортировочная" по линии. Мы влили в окопы часть свежих сил, которые явились на смену во время, так как некоторые товарищи сидели в окопах безвыходно двое суток. Они уже собирались бросит окопы и увезти оружие, которое стояло у тюрьмы. Сменив их мы накормили, напоили их, дали им согреться и отдохнуть. Таким образом у нас образовался резерв и мы имели возможность сменивать силы в окопах. В чайную перевели, все время находившийся под дождем, перевязочный пункт.

Наш отряд оставался в окопах до окончания боя, пока мы не победили.

Наперстков.

Октябрьский переворот.

КРАТКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ.

До февральской революции при Перовских мастерских была небольшая подпольная ячейка большевиков, состоявшая из 9 товарищей; связана она была с МК через т. *Иванова* Трофима (теперь работающего в Перовских мастерских) и *Лукушкина*, оказавшегося провокатором (ныне расстрелянного). Означенные товарищи были избраны в 1. Московский Совет по предложению ячейки на общем собрании в мастерских.

С февральской революции по Октябрьскую в Перовских мастерских число членов ячейки увеличилось до 47 коммунистов. Часть из них была на совещании московской организаций в момент, когда обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Председательствовал на совещании ныне убитый тов. *Усиевич*.

К Октябрьским дням рабочие мастерские почти все были на стороне большевиков; вот почему от мастерских во все организации, по предложению ячейки, выбирали большевиков и голосовали за кандидатов, выставленных ячейкой.

Организовывая Красную Гвардию, ячейка вела отчаянную борьбу с Главным Дорожным Комитетом, руководимым эсерами и меньшевиками, и особо со ставленником Дорожного Комитета — начальником Охраны, которые препятствовали вооружению, не давая оружия. Из этого положения нас вывезло одно обстоятельство.

На станции Запутная М.-Каз. ж.-д. крестьяне разгромили цистерну со спиртом и помещение станции. Главному Дорожному Комитету ничего не оставалось делать, как обратиться к помощи дружинников. Этим перовцы воспользовались и полу-

чили от комиссара охраны дороги 67 штук винтовок системы „ГРА" и небольшое количество патронов. Все это затем было оставлено при Перовской ячейке.

К моменту октября Красная Гвардия в Перовских мастерских достигла до 160 человек, из коих—113 чел. беспартийных. К 7 ноября (25 октября) Красная Гвардия имела уже винтовки и была готова к вооруженной схватке.

Вся Красная Гвардия была разбита на десятки. Из каждого десятка выделялся ответственный товарищ. Всей-же Красной Гвардией командовал единодушно выбранный отрядом, тов. *Плющев* (теперь умерший), который имел хорошую военную подготовку и обладал железным характером. Под его руководством начала свою деятельность Красная Гвардия.

7-го ноября (25 октября) при первых выстрелах в Москве и схватке Красной Гвардии с юнкерами, Перовской ячейкой был выбран Ревком из пяти товарищей, под председательством того же т. *Плющева*. Первой своей задачей Ревком поставил захват станции Перово.

Захватив станцию, расставили караул у телефонных аппаратов и на телеграфе, дабы не допускать распоряжений, исходящих от Главного Дорожного Комитета, который шел в разрез с большевиками.

Сейчас же был отдан приказ взять охрану ст. Перово в свои руки (ночные обходы). Далее Ревком об'явил близлежащие местности и ст. Перово на военном положении. Был отдан приказ: 1. Всем, кто имеет оружие, предлагается получить разрешение на таковое в Ревкоме при мастерских (имея в виду отборку). 2. Все пойманные в хищении железнодорожного имущества представляются в Ревком. 3. Никакие распоряжения по мастерским, а также в местностях, об'явленных на военном

положении, без визы Ревкома считать не действительными и не проводить в жизнь.

Одновременно т. *Плющевым* отдан был приказ по отряду Красной Гвардии: „Всем быть готовыми к выступлению и перейти на казарменную жизнь; оставаться днем и ночью в мастерских при штабе Красной Гвардии".

Через установленную связь с Москвой в первый же день, Ревком получил сведения о недостатке оружия и патронов в Москве и предложение поискать по линии. Начальником отряда была выслана разведка —осмотреть на линии вагоны. Разведка донесла о блестящих результатах, что со станции „Сокольники" уже отправлены в московские паровозные мастерские М.-Каз. ж.-д. 12 вагонов с винтовками. Оружие распределялось Сокольнической организацией. Особое внимание было обращено на то, что к моменту восстания некоторые запасные полки были без оружия. Из привезенных вагонов с винтовками был вооружен 56-ой полк, а 100 шт. было оставлено в Перове. Такая же потребность ощущалась и в патронах; часов в 10 вечера тов. *Маша* известила Перовский Ревком по телефону, чтобы перовцы достали патроны из Симоновского патронного склада.

В чьих руках был склад, точно не было установлено. Но предполагали, что должен быть в наших руках. Ревкомом была выслана часть отряда на эту работу. Для того, чтобы достать патроны и привезти их со склада, необходимо было заставить начальника ст. Перово дать путь и паровоз на Симоновскую ветку. Начальник станции старался держать „нейтралитет" и не давал жезла. Церемониться было некогда. Приказано было начальнику не разговаривать. Дан был паровоз и открыт путь.

Приехав к патронному складу, отряд, не встретив препятствия, нагрузился; патроны были доставлены в Москву в Главный железнодорожный штаб,

находившийся в бывшем царском павильоне Николаевской железной дороги.

Когда эта работа была проделана, начальник об'явил по отряду, что оружие и патроны распределены по назначению; отряд был спокоен и доволен, что оружие не попало в руки юнкеров. Приходилось быть на чеку, особенно ночью. Шли вести о близкой победе Красной Гвардии над юнкерами. Отряд ожидал отступления юнкеров по направлению Перово из Александровских казарм. Ревкомом была установлена непрерывная связь с частью Красной Гвардии ст. Депо-Сортировочная, засевшей близ ст. Сортировочная и наблюдавшей за действиями юнкеров. Все предположения и ожидания оказались напрасными, так как юнкера сдались. Части отряда по требованию Ревкома железно-дорожного района посылались время от времени на подкрепление в Москву.

Большую роль отряд сыграл по охране линии и населения. Если бы это не было предусмотрено, то не обошлось бы без эксцесов 1905 года, т.-е. разграбления грузов на ст. Перово. Ревком высылал через каждые 2 часа патруль на линии и по улицам, и захваченные подозрительные лица приводились в Ревком. Часть из них по выяснению отпускалась, а более подозрительные направлялись в Москву.

Отряд снялся с военного положения лишь по окончании полной победы над юнкерами и перенес свои действия на линию, где по предписанию из центра приходилось действовать по разоружению эшелонов, произвольно демобилизовавшихся, а также вести борьбу с проездом безбилетных пассажиров и провозом разной контрабанды, главным образом, спирта, и бороться с бандитизмом вообще.

Вот краткие воспоминания перовской организации о днях Октября.

Бюро ячейки Перовских мастерских.

27 февраля 1917 года.

ВОСПОМИНАНИЯ ТОВ. МАЖОКИНА.

При технической бригаде был избран местком, куда вошли членами т.т. *Бочаров* и я, *Мажокин*.

Позже, на 2-м собрании, мы были избраны в районный исполнительный комитет, в качестве членов президиума. Там мы и работали с февраля по день Октябрьской революции.

С нами были и другие товарищи из паровозных мастерских *(Иодзевич)* и вагонных *(Прохоров)*.

Всю работу, как организационную, так и партийную, пришлось нести нам четырем большевикам. Очень скоро к нам стали примыкать многие товарищи из других мастерских.

По указанию исполкома приступили к организации Красной Гвардии, в каковой принимали участие все вышеуказанные товарищи. Проводили собрания, выносили резолюции за свержение власти Керенского.

Потом явился на сцену Корнилов. Железнодорожники были призваны итти против него. По указанию Викжеля избран был стачечный комитет, который и об'явил железнодорожную забастовку.

Далее наступил июль. Нашим товарищам пришлось туго. При исполнительном комитете остались одни большевики, которые знали за что они борятся.

Вскоре положение изменилось. Июльское наступление сыграло роль в пользу большевиков. Они стали приобретать большое влияние среди железнодорожных масс.

Уже в октябре, когда железнодорожники, по приказу Викжеля, вынесли постановление—держать нейтралитет—рабочая масса, руководимая больше-

виками, была призвана под ружье и требовала вооружения. Но оружия не было ни у Исполкома, ни в Революционном Комитете. Тогда Революционный Комитет постановил отобрать шесть берданок с шестью патронами, находящиеся у комиссара, утвержденного правительством Керенского.

К нему явились трое — *Ионов*, *Бочаров* и я.

Потребовали выдачи оружия. После долгих препирательств нам удалось его получить. Революционному Комитету пришлось вынести еще раз постановление „из'ять револьверы у милиционеров комиссара". Мы снова отправились. Но на этот раз мы явились не с голыми руками, а с теми берданками, которые мы раньше у него забрали.

Комиссар установил часовой срок, в течение которого он должен был разоружить милиционеров. Через час мы действительно получили у комиссара Дендурианца 4 револьвера системы Наган. Не выходя из его кабинета мы об'явили ему его „свержение". Комиссаром был назначен я *Мажокин*.

Начал с осмотра занимаемого комиссаром помещения. Обнаружил ящики с револьверами системы „Наган". Немедленно вооружены были все члены Революционного Комитета и Красная Гвардия, состоящая из 30 товарищей — рабочих вагонных и паровозных мастерских.

Вооруженные они явились в штаб, к Южному мосту, где нами был занят царский павильон. Там они застали рабочих железнодорожных мастерских.

Из числа отобранных револьверов в Московский районный железнодорожный Совет было передано 6 штук.

Наша Красная Гвардия слилась с красногвардейцами других железных дорог и вместе отправились на Казанскую дорогу, где обнаружили несколько вагонов винтовок. Тут у бывшего царского павильона образовался хорошо вооруженный штаб. Плохо обстояло дело с продовольствием.

Тогда Ревлюционный Комитет сделал распоряжение буфетчику павильона, чтобы было изготовлено такое количество обедов, какое потребуется для штаба.

Конечно, содержатель буфета не только не хотел изготовлять нам обед из своего продовольствия, но готов был утопить всех нас в чайной ложке, но твердая рука октябрьских революционеров потребовала, и мы не только получили обед, но предпринимателю пришлось пустить в ход всю посуду, даже серебряную, которая береглась для особых вельможных сволочей царских прихвостней.

Наши боевики—красноармейцы, поедая поварские приготовления на серебряных блюдах, усмехаясь говорили: „Ай-да большевики, если они сейчас нас так кормят, то после победы будет еще лучше".

Красные бойцы рвались из штаба в бой, который шел у Кремля и в других районах. По первому требованию Р. К.—красные бойцы направлялись по указанию.

Хочу отметить один яркий момент в поведении наших рабочих красногвардейцев.

Во время охраны железных дорог красными бойцами было обнаружено большое количество разных вин. Несмотря на русскую привычку к выпивке,—под грохот орудий, они разбивали бутылки вина о рельсы и выливали его тут же.

Революционная дисциплина не была подорвана!

Мажокин.

Резолюция, принятая на заседании Районного Комитета Московского района Николаевской жел. дор., состоявшемся 25 октября 1917 года.

1. Не беря на себя ответственности за возможность кровопролития, мы всеми силами будем содействовать предупреждению кровопролития, но защитники истинные не должны быть безоружными против насилий вооруженных злоумышленников, посему предлагаем вооружить Красную Гвардию, составленную из самых честных людей и искренних защитников свободы, дабы если будет пролита их кровь, она будет святой жертвой, принесенной для счастья большинства и укрепления свободы народа.

2. Предложить комиссару выдать оружие для вооружения Красной Гвардии.

3. Созвать Красную Гвардию.

4. Установить дежурства членов Районного Исполнительного Комитета и отрядов Красной Гвардии.

5. Всецело поддерживать Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

В связи с текущим моментом созвать экстренное общее собрание.

Комитет.

Партработа на Николаевской ж. д. в Москве в 1917 году.

Шестого марта 1917 года мы (я и т. *Мажокин)* записались в партию. Нам было известно, что записаны были уже несколько товарищей из паровозных и вагонных мастерских. Из них я припоминаю сейчас: т.т. *Ионова, Ядзевича, Абакумова, Данилина, Прохорова, Хренова* и еще других.

Общей работы на первых порах мы еще не вели, но на митингах и собраниях постоянно понимали друг друга.

Первая наша совместная работа была в товарной конторе. Там нас собрал т. *Пятницкий.* Из наших мастерских было около 25-ти человек; присутствовали также товарищи и с других дорог. Затем уже т.т. *Замин, Пятницкий* и *Черняк* нас часто собирали, говорили с нами обо многом и многому научили. Вскоре стали выступать и наши. Тов. *Ядзевича* рабочие всегда очень внимательно слушали. Мы очень охотно ходили и на другие митинги и на лекции, по указанию тов. *Пятницкого.*

Так было до июльских дней. После 4-го июля наша партийная работа сразу упала. Многие позорно бежали,—другие стали относиться к работе чрезвычайно пассивно. Наш секретарь в июльские дни готов был даже сжечь всю переписку, книжку билетов, квитанции и т. д.

На совещании небольшой группы товарищей обязанности казначея и секретаря возложены были на меня.

К началу августа наши дела снова стали поправляться. Приток членов партии все увеличивался. К началу выборов в районную думу мы чувствовали себя настолько сильными, что уже очень часто

говорили об открытой борьбе с временным правительством.

Я ясно помню совещание в Белом зале Московского Совета. Там мы и наметили общую линию поведения.

После выборов в районную думу, когда наша партия одержала победу—перед нами, членами партии, стал вопрос о дальнейшей борьбе.

Особенно горячая работа шла у нас в начале октября. Ежедневно мы собирались и обсуждали вопрос о взятии власти и о том, какую работу мы должны проделать в армии. В октябре мы все вступили добровольцами в Красную Гвардию. Здесь у нас работа закипела. Но у железнодорожников была одна беда—не хватало оружия. Это было быстро изжито общими усилиями. Винтовки нашлись на Казанской дороге, на ст. Мирково. На другой же день и патроны отыскались. И пошла работа...

В ночь на 2-ое ноября в Москве наступило затишье. Выстрелы еще были слышны, но реже, не так как в течение недели.

Железнодорожный ревком получил новые тревожные вести о том, что по Николаевской ж. д. идут по направлению к Москве три поезда, из коих два броневых. Кому принадлежали поезда—никто абсолютно не знал.

Викжель окончательно растерялся, не зная что делать.

Ревком стал выяснять положение, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие в Москве.

Мы, николаевцы, приняли в этой работе самое живое участие: запросили по прямому проводу Тверь, Клин, но положительных результатов не добились. Вот как на наш запрос ответила ст. Тверь: „Поезда отправились, из них—два броневых, кому принадлежат—неизвестно. Остановка поезда продолжалась 15 минут. Первый броневой поезд ведет машинист *Бродов*".

Это нас еще больше забеспокоило.

Я припоминаю, что мы тут же связались со штабом и запросили дежурных членов *Викжеля*, которые продолжали быть так растеряны, что не знали что предпринять. Николаевцы без перерыва дежурили, в ожидании новых сообщений, но ничего не получалось. Поезда продвинулись до ст. Клин, где остановились для совещания.

Время шло так быстро, что мы не заметили, как прошла ночь; во втором часу к нам в комитет пришел т. *Зимин*. Тов. *Зимин* предложил поехать на паровозе навстречу войскам, выяснить положение и принять соответствующие меры. Тут же т. *Зимин* отправил телеграмму с требованием дать нам паровоз для встречи войск.

Через 20 минут паровоз стоял у семафора.

Мы стали сговариваться, как следует приступить к выяснению положения и кто должен ехать. Решив не терять ни одной минуты времени, т. *Зимин* предложил ехать вдвоем. Поехали: он, и от Николаевской ж. д.—я. Ехали со скоростью 75-ти верст в час, остановились лишь на несколько минут на ст. Крюкове по случаю того, что впереди нас стоял товарный поезд.

Когда мы прибыли на ст. Подсолнечное и узнали, что поезд уже вышел из Клина, то дали распоряжение задержать его на первой станции, а сами отправились дальше.

Под'езжая к станции Флоровской, заметили, что семафор открыт. Мы дали распоряжение закрыть его.

Приказание было исполнено, и первый броневой поезд был задержан.

Выяснили, что неизвестные эшелоны—наши моряки, которые двинулись в Москву на помощь рабочим.

Поезд этот раньше действительно принадлежал *Керенскому*; он был отобран у него под Гатчиной.

Мы познакомили наших моряков с положением дел в Москве. Они предложили довести нас до Москвы.

Но ввиду того, что в Москве ждали от нас ответа, мы немедленно отправились в Клин, откуда дали телеграмму, что едущие войска—наши союзники, и мер принимать против них никаких не надо.

Бочаров.

На Московском участке Николаевской ж. д.

(ВОСПОМИНАНИЯ Л. ПРОХОРОВА).

Февральская революция протекала у нас так, как обыкновенно проходят все буржуазные революции. Железнодорожники не принимали в ней активного участия. Все их участие выразилось в разоружении железнодорожной жандармерии и в возмущении против неугодной администрации. Были организованы ревкомы, затем исполкомы. Главнейшей задачей последних являлась защита интересов трудящихся от произвола администрации, которая, несмотря на революцию, продолжала чувствовать себя хозяином положения. В исполкоме были представители различных политических течений; первенство в количественном отношении занималм эсеры, которые трубили о земле и воле. Социал-демократов было мало. Если и было человека два интернационалиста, то им очень тяжело приходилось работать на службе движения, которая отличалась большой инертностью к рабочему движению. На службе телеграфа было несколько эсеров, с ликвидацией жандармерии взявшие в свои руки наблюдение за станцией. Во главе телеграфа стоял *Березовский.*

Взаимоотношения между дорожным и районными исполнительными комитетами носили форму соподчиненности; при чем некоторые члены районных Исполкомов были в то же самое время, членами дорожных исполкомов.

Социал-демократов большевиков в начале февральской революции на московском участке было лишь двое: тов. *Иодзевич*—фрезировщик паровозной мастерской и тов. *Прохоров*—столяр вагонной мастерской. Работать им было очень тяжело. Симпатии большинства были на стороне эсеров. Политическая работа в массах агитационная и пропагандистская велась напряженно.

Партия большевиков отличалась своей сплоченностью и дисциплиной, и это дало свои результаты. Для подготовки рабочего собрания приглашались лучшие докладчики из старших товарищей, которые протипопоставлялись какому-либо видному эсеру или меньшевику.

Вскоре удалось привлечь на свою сторону нескольких молодых товарищей, не партийных. В первых рядах оказались: т. т. *Хренов* (ваг. мастерск.) *Мажокин*, *Бочаров*, *Г. Рябчиков*—слесарь вверенного депо, затем вернулся из ссылки т. *Ионов*. С этими силами московский участок Николаевской жел. дор. вел подготовку к Октябрьской революции.

Т. т. *Иодзевич*, *Прохоров*, *Мажокин*, *Ионов* — были в Московском Районном Исполкоме Ник. ж. д., а остальные товарищи были на местах.

По инициативе Район. Исполкома, временная милиция Московского Района Николаевской ж. д. была заменена постоянной, под руководством комиссара милиции *Дендурианца*, который впоследствии выявил себя эсером.

Учитывая предоктябрьскую обстановку, Районный Исполнительный Комитет в составе: председателя т. *Иодзевича*, членов т. т.—*Прохорова*, *Мажокина* и *Ионова*, постановили создать совет при Ко-

миссаре в составе двух членов исполкома: т. т. *Мажокина* и *Прохорова* и комиссара *Дендурианца*. Тов. *Мажокин* откомандирован был в качестве постоянного представителя при комиссаре.

В ожидании событий, милиция была вооружена винтовками и наганами и представляла из себя некоторую силу, на которую необходимо было оказать свое влияние. Когда после московского совещания „живых сил", ждали приезда Корнилова, на железных дорогах организованы были ревкомы, в Советах дебатировался вопрос о вооружении рабочих. Ревком Московского района Николаевской жел. дор. командировал 3-х членов Ревкома т. т. *Ионова*, *Алексеева* и *Прохорова* навстречу белому генералу. И в Бологом был организован Ревком, в который вошли разнообразные элементы, вплоть до контрреволюционных включительно. Ячейка социал-демократов большевиков была слишком слаба.

В ожидании скорого прихода Корнилова контрреволюционные элементы подняли голову и стали открыто агитировать за Корнилова, мотивируя свою агитацию необходимостью твердой власти. Пробыли мы в Бологом одни сутки. Переговорив между собой, решили, что с Бологовским Ревкомом ни чего путного не сделаешь. Вечером, под предлогом возвращения в Москву, пожелав успеха Ревкому, отправились пешком.

Верстах 10-ти от Бологого услышали о приближении корниловских эшелонов. Воспользовшись ночной темнотой, мы с помощью т. *Ионова*, как специалиста, доставшего в одной из будок ключ и ломик, расширили путь, вследствии чего в непродолжительном времени произошло крушение первого эшелона корниловских войск. Проделав эту штуку, мы направились на ст. Бологое и с первым отходящим поездом уехали в Москву. По полученным сведениям из Бологого эшелон шел медленно и потому крушение было небольшое, но все-же несколь-

ко вагонов сошли с рельс и кое-кто потерпели ушибы. О погибших сведений не было. Но все же движение эшелонов прекратилось.

Прибыв в Москву, мы лихорадочно взялись за организацию Красной Гвардии. Этот вопрос предварительно обсуждался в районном совете Московского железнодорожного узла, председателем которого был тов. *Пятницкий*. Решено было вооружиться как можно быстрее. Привести в исполнение это постановление было очень трудно. Оружия достать было негде. Все оно было в войсковых частях, которыми руководил царский офицер. Созвали общее собрание рабочих; рабочих поставили в известность относительно надвигающейся реакционной опасности. И решение вооружиться встретило сочувствие среди рабочих. Только одни эсеры были против вооружения.

Мне памятен день, когда на общем собрании паровозных и вагонных мастерских обсуждался вопрос о вооружении рабочих и когда после зажигательных речей ораторов социал-демократов большевиков была принята резолюция о необходимости записи в Красную Гвардию. Открыли запись. Записалось около 30 человек. Я избран был начальником Красной Гвардии Николаевской жел. дор. В Красной Гвардии этой дороги приняли участие только две мастерских: паровозная и вагонная.

С вооружением Красной Гвардии обстояло неважно. Для всей гвардии с большим трудом удалось достать 10 старых винтовок сисемы Бердана, непригодных для стрельбы, затем 4 Нагана.

Таким же способом была организована Красная Гвардия и на других железных дорогах. Затем был организован Железнодорожный Центральный Штаб Красной Гвардии, который помещался в бывш. царском павильоне Николаевской жел. дороги. Начальником был т. *Зимин*, заместитель т. *Гусев* с Курской жел. дор.

В Центральном штабе несли дежурство красногвардейцы по вызову со всех жел. дор. Московского узла. Задачей Центрального Железнодорожного Штаба—было держать связь с Центральным Московским Ревкомом и, с другой стороны, с районами Москвы и, с третьей,—с железнодорожными штабами, через них—с линиями железных дорог.

Начальник Красной Гвардии
Никол. жел. дор. *Л. Прохоров.*

С оружием в руках.

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СЕВЕР. ЖЕЛ. ДОР.).

При первых выстрелах мы, северяне, стали стягиваться к нашему месткому и ячейке 1-го участка тяги. Мы получили от комиссара милиции 8 берданок без одного патрона. У некоторых коммунистов были револьверы — всего штук семь — тоже почти без патронов. С таким оружием встали мы на защиту вокзала и охрану мастерских. При проверке проезжавших автомобилей мы выпрашивали иногда пачку или две патронов. Но давали нам больше винтовочные, которые к берданкам не подходили.

На другой день мы получили известие, что на Казанской дороге стоят вагоны с оружием. Мы снеслись с месткомом товарищей, имевших оружие, и пошли к вагонам. Здесь уже грузил себе оружие какой-то завод. Мы помогли погрузке и попросили товарищей подвезти оружие и к нам. Товарищи с завода это сделали. Доставили вместе с нами всего 200 ружей.

Оружие добыли, но патронов все же не было. Тогда двое из нас были откомандированы в Мызу-

Раево на Лосиноостровскую в военный склад за патронами, и к вечеру на автомобилях несколько ящиков было доставлено.

Через день к нам с помощью товарища из района доставили еще два вагона патронов и один вагон винтовок. Но ружья оказались румынские и к патронам не подходили. Все же мы уже были богаты оружием и могли организованным порядком действовать.

И приступили к делу. Мы разбили на несколько групп отряд, который состоял из месткома, коммунистов и беспартийных товарищей наших мастерских тяги, а также и других служб, и завязали связь с Районным Комитетом и с центром, посылая туда товарищей по очереди; установили дежурства при вокзале и в поездах, проверяли документы и обезоруживали белых офицеров. Приезжавших наши отряды направляли в город с провожатыми и делились с ними запасом оружия.

Один из наших был ранен. Он находился в городе на связи. Два товарища попали в плен, когда возвращались обратно из города. Их забрали в Кремль. Здесь они были приговорены к расстрелу. Но расстрелять их контр-революционерам не удалось.

Наши заняли Кремль.

Группа товарищей из ячейки
18 уч. тяги Сев. ж. д.

Железно-дорожный райком и Октябрьские дни.

(ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАБОТЕ Ж.-Д. РАЙОНА).

Структура железно-дорожного района была такова, что каждая дорога в пределах окружной составляла самостоятельную единицу — подрайон. Все же подрайоны составляли район. Во всем остальном структура была такая же, как и в других районах московской организации.

В Октябрьские дни железно-дорожный районный совет выбрал Военно-Революционный Комитет; такие же Военно-Революционные Комитеты были и на отдельных дорогах.

Райком целиком переехал в помещение райсовета, и партийная боевая пятерка совсем слилась с Военно-Революционным Комитетом. Немедленно была приведена в боевую готовность Красная Гвардия из рабочих на дорогах, часть коих присылалась в райсовет из близлежащих дорог, где был главный штаб. Красногвардейцы охраняли дороги и вокзалы, обезоруживали отдельных белогвардейцев, а также и целые, небольшие отряды их.

Революционные Комитеты отдельных дорог были в курсе дела всей дороги; к ним попадали все телеграммы, и они могли и сами пользоваться телеграфом и телефоном своей дороги, и контролировать все телефонные разговоры, и просматривать все телеграммы. Через дорожные Военно-Революционные Комитеты Районный Военно-Революционный Комитет, тесно связанный с дорожными организациями, был в курсе дела передвижения на всех дорогах войск, отрядов, казаков и т. д., принимал

сам меры против их высадки и собщал в штаб центрального Военно-Революционного Комитета о их передвижениях.

Остановлюсь лишь на нескольких эпизодах железнодорожного района в те бурные дни.

Военно-Революционный Комитет Москвы и партийная боевая пятерка (из М. К. Окр. Ком. и Областного Бюро), членом которой я был, ничего не знали, что делается в Питере. Этим пользовались эс-еры и меньшевики, чтобы распространять самые нелепые слухи о том, что в Питере, мол, большевики побеждены, что всех большевистских вождей перебили и т. д. Независимо от этого, как Московскому Комитету, так и Московскому Совету и их боевым органам необходимо было во что бы то ни стало связаться с ЦК партии и революционными органами Питера и страны, а центральный телеграф Москвы, несмотря на то, что он был в руках Военно-Революционного Комитета, был в первые дни решительно против нас. Связь с Питером была восстановлена через Северную дорогу по телефону, а через Николаевскую—по аппаратам Морзе и Бодо. На Николаевской дороге (на вокзале в Москве) настроение было против нас, но на Северной дороге телефонное сообщение с Питером было целиком в наших руках. Мне самому пришлось быть на вокзале Северной дороги и на телефонной станции пол-дня и целую ночь.

Там мы между многими телеграммами перехватили телеграммы *Рябцева* о присылке казаков в Москву и о присылке из Ярославля, с пристани „Кавказ и Меркурий" винтовок и, кажется, еще других боевых припасов. Туда были посланы В.-Р. Комитетом т. *Манцев* и еще кто-то. С помощью ярославских товарищей оружие было найдено, но ярославцам же оно понадобилось и осталось у них. Красногвардейцами Рогожско-Симоновского и Замоскворецкого районов—товарищами из паровозных

мастерских М.-Казанской ж. д. были замечены вагоны с винтовками. Они под'ехали с паровозом к вагону с винтовками, прицепили его и приехали с ним в паровозные мастерские, дав сейчас-же знать об этом центральным боевым органам Москвы. Последние же направили в паровозные мастерские грузовики, и все районы получили винтовки с Казанской ж. д., а патроны—из Симонова.

Борьба закипела с новой силой, а без патронов и винтовок борьба сильно затянулась бы.

Утром описываемого мною дня мне пришлось быть в партийной Боевой Пятерке, в Коммерческом институте в Замоскворечьи (теперь институт имени *Карла Маркса и Энгельса*). К нам приходили из всех районов с заявлениями, что у них патроны на исходе для того малого числа винтовок, которые имелись.

Осип Пятницкий.

Страдные дни.

В ШТАБЕ ГОРОДСКОГО РАЙОНА.

На другой день после начала Октябрьских боев мы перешли в штаб Городского Района, который помещался в трактире Романова у Сухаревой. Там мы встретили т. *Бабинского*, делегированного М. К., и т. *Варенцову*, представительницу Военной Организации при М. К. Этот обычно мягкий товарищ с необыкновенно лучистыми глазами, теперь смотрел холодно и строго. Тут был также т. *Никитин*. Он имел вид деятеля из Городской Управы. Держал он себя как-то очень робко. Все время надоедал солдатам, которые должны были захватить телефонную станцию, — своими напоминаниями, что станция чудо научной техники, что другого такого

сооружения нет во всем мире и что поэтому во что-бы то ни стало нужно ее сохранить во время боя. Было так нелепо вести подобные рассуждения с солдатами, идущими в бой, что уж и не знаю, как они не поколотили его.

Помню еще тов. *Петрова,* высокого с курчавой всклокоченной головой. Он был начальником отряда Красной Гвардии Гор. района и входил в боевую военную тройку, состоявшую из него, *Петрова, Бабинского* и *Варенцовой О. А.* Он заведывал выдачей оружия красногвардейцам и распределением сил. Тут же суетилась и т. *Ася,* выдавая пропуска из штаба выходящим. Она почти бессменно была на этом месте.

Тут же находились два прапорщика, приведенные солдатами из Спасских казарм в качестве спецов. Один, уже немолодой, брюнет, щупленький, с лицом себе на уме, а другой совсем еще мальчик, розовый с ярко красными губами и детски добродушным лицом.

Тов. *Эйгин* из Мызы Раево все время сокрушался от того, что ему ни разу не пришлось пальнуть из какого-то тяжелого орудия. Эту пушку с большим трудом удалось добыть. Ее долго и с любовью устанавливали, а выпалить не пришлось, так как юнкера начали, как тараканы, вылезать из помещения телефонной станции, переодетые в платья телефонисток. Одного такого переодетого армянина привели к нам в штаб. Он стоял в какой то нелепой светлой юбке и покрытый платком трусливо озирался и ревел басом. Его допрашивала *Ольга Афанасьевна Варенцова,* а прапорщик *Бонар* с презрением говорил ему:

„Мне вот вчера колючей проволокой нос повредило, и то я ничего. А вы как баба ревете".

Один из солдат дал пленному закурить. Тогда юноша немного оправился и сознался, что он плачет от страха: ему рассказывали, что, как к боль-

шевикам попадешь, сейчас они уши и нос отрежут.

Остался в памяти еще один случай. У нас заведывал разведкой студент-техник (фамилию его не помню). Один раз, когда я с Еленой выходила в в корридор, мы увидели, что он стоит, прислонившись к перилам между двумя солдатами. Не догадываясь в чем дело, Елена заговорила с ним. Вдруг солдаты сурово сказали:

— Нельзя разговаривать с арестованным.

Оказалось, что солдаты заметили, что он что то сует в автомобиль, отправляющийся в центр. Выяснилось, что это была записка к белым. Вглядевшись в него, некоторые из солдат вспомнили, что он пред Октябрьскими днями выступал на митингах против большевиков.

Приходили и уходили солдаты со спокойными торжественными лицами. Заседал наш штаб. Тов. *Бабинский,* отличавшийся мягкостью и вежливостью и какой-то особой аккуратностью даже в эти дни, когда много ночей подряд приходилось не спать, одетый франтовато, в своем обычном сером костюме, в воротничке и галстуке, сидел с Ольгой Афанасьевной не разгибаясь над картой Москвы.

Поддерживалась связь с центром. Велась разведка. Подходили новые боевые силы. Перевязывались раны. Работала столовая.

По ряд несколько ночей люди не спали ни минуты, но усталости не чувствовали. Казалось, будто так было всегда. По временам появлялась откуда то Мария, наскоро передавала вести из центра и уходила опять неизвестно куда. Появлялся *„Орилия"* с листовками и бюллетенями и опять исчезал.

Приезжал т. *Усиевич.* С ним входила струя чего то светлого, бодрящего, даже в самые тяжелые моменты. Помню, раз как-то меня послали с поручением в Совет к тов. *Аросеву.* День был солнечный,

но улицы были пусты. Люди жались к стенам домов, укрывались по дворам, в под'ездах, за выступами углов. Выскакивали откуда-то солдаты, останавливали автомобиль, поспешно спрашивали пароль у шоффера и опять скрывались.

В Совете я поразилась перемене, происшедшей в товарищах. У мужчин отросли бороды. У всех воспаленные глаза, землистые лица. Видно, что дошли до крайнего предела усталости. Тов. *Аросов* сидел в каком-то оцепенении, и мне с трудом удалось передать ему поручения. Там же я услышала, что скоро мы перейдем на партизанскую войну и что откуда-то идут казаки.

Когда я вышла из Совета и садилась в автомобиль, солдаты заряжали пушку. Тов. *Эсбиг*, сопровождавший меня, посоветовал мне при выстреле открыть рот, чтобы не оглохнуть.

Мы поехали обратно тем же порядком и тихо под'ехали к штабу городского района. Только тут я заметила, что все время сидела с разинутым ртом. Мне стало смешно. Тов. *Эсбиг*, смеясь, рассказал мне, что мы ехали под обстрелом и что он мне не сказал этого нарочно, чтобы меня не испугать. Мне стал понятен странный шум, тихий визг и легкий звон стекол на улицах, когда мы ехали. В штабе района мое донесение выслушали, и как будто на мгновение стало жутко всем. Ольга Афанасьевна сказала:

— „Сколько мы ни посылай подкреплений,— все мало. Ну, что-ж, на партизанскую, так на партизанскую"!

И опять засела с *Бабинским* за огромную карту. Вечером приехал Подбельский и сказал, что наши взяли почтамт и телеграф и что нужны люди, чтобы заменить служащих.

Выяснилось, что казаки приехали и, узнав в чем дело, стали на нашу сторону. Отовсюду шли вести, что мы побеждаем.

Сообщили о взятии телефонной станции. Ольга Афанасьевна засияла добродушным сиянием, а *Бабинский* приосанился, засуетился и все покушался издать какой-то приказ. Появились неизвестно откуда какие-то офицеры и наперерыв стали уверять Ольгу Афанасьевну в том, что они тоже были в наших рядах, наперебой давали всевозможные советы, от которых т. *Варенцова* только руками отмахивалась.

Вот взяли уже Лубянку и Мясницкую, стали приводить солдат с вещами, взятыми из магазинов,—как-то часы, кольца, оружие и т. д. Отбирали вещи и отправляли солдат под арест. Партийные т.т. и сами солдаты зорко следили, чтобы эти явления не вылились в грабеж и мародерство. А прапорщики снисходительно улыбались и доказывали Ольге Афанасьевне и Бабинскому, что это „законная военная добыча", что на войне так полагается. Один прапор все приставал, чтобы ему разрешили взять на память кавказский кинжал, отобранный у солдата. При этом он ставил себе в большую заслугу, что, как офицер, имеет право взять себе любую вещь, но он этого не делает, а просит подарить ему только этот кинжал. Тов. Варенцова плечами пожимала на такие доводы.

Но вот, пришла весть, что белые сдаются. Центр заключает мир. Офицеры подхватили Бабинского и поехали осматривать позиции. Бабинский где-то свалился и заснул. Приехали офицеры и один перед другим стали предлагать Ольге Афанасьевне разные явства и питья, взятые из гастрономических магазинов, и с ужасом и негодованием рассказывали, что солдаты едят руками зернистую икру, балыки, ветчину и набивают себе карманы шоколадом. Отказываясь от угощения, О. А. добродушно заметила:

— Ну, что-же, пускай полакомятся!

Офицеры пожимали плечами и отходили прочь.

Итак, все утихло. Мир был заключен. Но не один только тов. *Эйгин* жалел, что ему не пришлось пальнуть из шестидюймовки, а большинство солдат было недовольно миром, потому что они хотели прекратить бой лишь тогда, когда окончательно будет уничтожен противник.

Мария Драчева.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

Тов. Барболин.

При слове „*Барболин*“ что-то светлое встает перед глазами.

Небольшого роста, с светлыми волосами, с постоянной улыбкой на лице, с светлым ясным умом. В его присутствии легче становилось на душе, веселей кругом. Казалось, какие-то теплые, солнечные лучи струились от его вечно хлопотливой и деятельной, энергичной фигуры, ни минуты не сидящей без дела, от его крепкой веры, веры без сомнений, без колебаний в наше дело, от его стойкой непоколебимой уверенности в близкой победе рабочего класса, от

Тов. Барболин.

его беззаветной преданности и готовности без высоких фраз, просто отдать в каждую минуту жизнь за свои идеалы.

Бодрость и веру в победу вносил он всюду с собой, бодрость и веру в нашу силу вносила его революционная твердость, расцвет его молодости. Тов. *Барболину* было только 20 лет.

Перед похоронами зашла я в Сокольничий район.

Скучно, тоскливо там без *Барболина* и *Жебрунова*, без двух „хвостиков", как называют нас, молодежь, с добродушной улыбкой наши партийные товарищи. Эти два „хвостика" выделялись не только в Союзе Молодежи, но и в среде взрослых партийных работников. С первого момента революции *Барболин* принимал в ней самое активное участие. Но ему все мало казалось, он все рвался в бой. И вот 31 октября при взятии градоначальства от одного и того же залпа из пулемета погибли оба товарища, оба упали: *Жебрунов* убитый на смерть, а *Барболин* раненый. Но через несколько дней умер и *Барболин*.

Счастливый удел выпал ему на долю: он пал смертью борца-революционера. Образ его в нашей душе будет светильником в пути к лучшему, близкому будущему—коммунизму.

Рузя.

Тов. Жебрунов.

Всего 19 лет было *Жебрунову*, а сколько горя, сколько ударов судьбы ему пришлось перенести. После смерти отца вся забота легла на плечи 15-ти летнего мальчика и, нужно сказать, что он с честью выносил все. За свою короткую жизнь ему пришлось, в зависимости от стечения обстоятельств, несколько раз менять свою профессию. В поисках заработка *Жебрунов* исколесил всю Россию. Много ему пришлось перенести, но могучую, закаленную в житейских невзгодах натуру ничто не могло сломить. Даже в таких ужасных условиях жажда учиться не покидала его. Урывками при первой возможности он набирался знаний и впоследствии поражал нас своей начитанностью.

Широкая дорога открывалась перед ним. Рабочие всегда выдвигали его на мало-мальски ответственные места.

В дни Октябрьской революции *Жебрунов* исполнял самые разнообразные поручения. Его можно было видеть то в центре с винтовкой в руке, рвущегося в бой, то в районе, занятым какой-нибудь работой. Он рвался в бой и вместе со своим приятелем *(Барболиным)* ушел из района, чтобы принять участие в бою. Не дожив до дня победы, погибла молодая, многообещающая жизнь революционера.

Память о нем навеки сохранится в наших сердцах.

Вечная память неутомимому работнику в деле революции! Дело его не должно погибнуть, и мы, живые, клянемся продолжить начатое им.

Л. А.

Тов. Е. Маленков.

В торжественнный день 5-й годовщины Пролетарской революции мы не должны забыть о тех героях, которые своим энтузиазмом поднимали рабочие массы и вели их на защиту заветов Пролетарского Октября.

Такой светлой личностью в Сокольническом районе был тов. *Е. Маленков*. В свои молоды годы тов. *Маленков* прошел суровую школу неприглядной рабочей жизни. В 1915 году он был арестован за подпольную работу и посажен в Таганскую тюрьму, затем судом приговорен к 4 годам каторжных работ, которые отбывал в Бутырской тюрьме. Февральский переворот освобождает тов. *Маленкова* из тюрьмы, и он поступает на завод Вартце и Макгилль в Сокольниках, где рабочие выбирают его в Московский Совет. Практически воспитанный на классовых противоречиях, самоотверженный, глубоко преданный делу рабочего класса, тов. *Маленков*, забывая свою личную жизнь, с головой уходит в советскую и партийную работу, заражая примером своей деятельности товарищей, пришедших строить новую жизнь. Он выполняет самые ответственные партийные поручения. Он был главным организатором Красной Гвардии в районе.

Перед Октябрьской революцией Московский Совет поручает тов. *Маленкову*, вместе с некоторыми членами Совета, весьма опасную и ответственную работу по ликвидации беспорядков, возникших в гор. Галиче (Ярославском). Выполнив порученное, тов. *Маленков* возвратился в Москву в тот самый момент, когда развернулись Октябрьские события и шла жесточайшая борьба. Прямо с вокзала, не

заходя домой, забегает тов. *Маленков* в райком, берет винтовку и отправляется в город. Он появляется в самых опасных местах, подавая товарищам, участникам боя, пример героизма и мужества.

После Октябрьской революции тов. *Маленков* избирается Председателем районного совета. На этом посту в течение 4-х месяцев тов. *Маленков* был занят на работе, в буквальном смысле слова, все 24 часа в сутки: все ночи он проводил за делом. В конце февраля 1918 г., во время оккупации германскими войсками Украины, тов. *Маленков* становится во главе добровольческого отряда сформированного Сокольническим районом и отправляется на Западный фронт. Возвратясь с отрядом с Западного фронта, тов. *Маленков* отправляется на Уральский фронт против Дутова, где в бою под Семиглавым Маром чуть не был растерзан окружившими его казаками и только, благодаря своей находчивости и мужеству, избежал смерти.

Тов. Маленков.

В начале осени, после 2-х месяцев работы в Совете и Военкомате (где он был комиссаром района), тов. *Маленков*, по болезни, получает отпуск; но он не отдыхает, а опять берет командировку на фронт в боевую часть, оперирующую на Мензелинском фронте против чехо-словаков.

По приезде туда, он назначается командиром

батальона (хотя никогда не имел военной подготовки). Во время отступления наших частей под давлением противника, тов. *Маленкову* было поручено сдерживать наступление белых, численность которых во много раз превышала наши части. Но всегда решительный, обладающий особой сообразительностью в критическую минуту, тов. *Маленков* и на этот раз от обороны переходит к наступлению и выбивает противника из окопов.

Ночь мешает дальнейшему преследованию белых. Часть проводит ночь в заметных неприятелю окопах. Наступает пасмурное осеннее утро. Батальон идет в наступление, но встречает пулеметный и ружейный огонь перестроившегося и оправившегося за ночь противника. Красноармейцы дрогнули. В эту критическую минуту впереди появляется тов. *Маленков*, вдохновенно зовущий красноармейцев вперед, с возгасом: „За власть Советов". Но сейчас же получает ранение в ногу. Не обращая внимания, он идет дальше и, не сделав и пяти шагов, падает, пораженный на смерть пулей в голову.

Батальон в беспорядке отступил. А через некоторое время, когда наши войска заняли территорию белых, они нашли истерзанный штыками и шашками, обезображенный белыми, труп героя-мученика за дело рабочего класса, тов. *Маленкова*.

Красные войска с почестью предали земле его останки в гор. Мензелинске, поставили памятник безумной храбрости, беспримерному мужеству и героизму тов *Маленкова*.

Так погиб герой, завещав нам довести дело пролетарской революции до конца.

Пресняков.

3/x—22 г.

Тов. И. В. Русаков.

И. В. Русаков – один из крупнейших безвременно погибших работников, выдвинувшихся в Сокольничьем районе Москвы. Считаем своим долгом поделиться биографическими сведениями о нем и своими воспоминаниями о его революционной деятельности.

И. В. родился на ст. „Подсолнечная" Никол. ж. д. в 1877 г. и вырос в многочисленной семье своего отца, бывшего крепостного крестьянина, под Тверью, на ткацкой фабрике Залогина. Выкупившись у помещика незадолго перед падением крепостного права, его отец начал карьеру свободного человека простым ткачем на подмосковных карликовых фабричках (в Черкизове, в Подмосковном и др.), за ткацким станком выучился грамоте и быстро продвигался по административной лестнице в ткацком деле, тогда сильно шагнувшем в России, вплоть до поста управляющего фабрикой Грегори на ст. „Подсолнечная" и затем фабрики Залогина под Тверью. Отец прогорел на чуждом для него собственном торгово-промышленном зеркальном деле перед Русско-японской войной, и после этого жил на средства своих старших сыновей, в том числе и *И. В.*

В 1895 г. *И. В.* окончил курс Тверской гимназии и в том же году поступил на медицинский факультет Московского Университета, за участие в студенческих беспорядках в 1899 г. был исключен из него и не попал в солдаты только из-за физического недостатка, в 1900 г. был вновь принят на тот же факультет и окончил его в 1901 г., для специализации прикомандировался к Детской университетской клинике, в 1902 г. поступил ассистен-

том—врачем в Московскую детскую больницу Св. Ольги, а с 1904 г.—вторым врачем в Ростокинскую земскую больницу.

С конца лета 1905 г. *И. В.* начал принимать активное участие в революционной работе в качестве члена Р. С.-Д. Р. П. по фракции большевиков, куда был введен по рекомендации т. *Первухина*, ныне заведующего Здравотделом Петербургского Совета Р. и К. Д. В конце декабря 1905 г. *И. В.* был арестован, просидел в Бутырках до февраля 1906 г. и подвергся высылке в гор. Ялуторовск, Тобольской губ. (ныне Тюменьской) на три года, со всей своей семьей, где добывал средства к существованию частной медицинской практикой и завоевал большую популярность и любовь всего окружного крестьянского населения.

В 1909 г. *И. В.* вернулся в Москву, работал в частной лечебнице, сильно бедствовал и только в конце 1909 г. поступил врачем в одну из московских городских амбулаторий. Одновременно он принимал активное участие в комиссиях Пироговского О-ва врачей, ставши с 1910 г. секретарем, а затем и одним из редакторов журнала О-ва „Общественный Врач“, Формально членом партии не состоял, но идейно с ней не порывал и с самого начала империалистической войны 1914—1918 г.г. был ярым противником последней.

С подрастанием детей у *И. В*, развивается живой интерес к педагогическому делу, он весь уходит в педагогическую литературу, в искания новых педагогических путей, сталкивается с такими же искателями среди московской интеллигенции (Зеленко и др.), и сам, как школьник, увлекается экскурсированием вместе с детьми.

Заветной его мечтой была именно непосредственная работа среди детей и подростков, создание для них такой обстановки, взамен установившейся казенной школьной, при которой ребенок

учился бы, творя не отрываясь от действительной окружающей обстановки.

С началом февральской революции *И. В.* весь ушел в партийно-советскую работу. Ни одна кампания в районе не обходилась без него. Его энергия хлестала через край и заражала других. Везде и всегда он —на передовых постах.

Тов. И. В. Русаков.

И. В. не брезгал никакой работой, хотя бы самой маленькой. Помнится, как он, согласно постановлению райкома, в ночь с 24 на 25 июня до самого утра собственноручно расклеивал по улицам района предвыборные воззвания по выборам в Московскую Центральную Городскую Думу.

В дни керенщины *Иван Васильевич* вел неустанную работу по борьбе с меньшевиками

и эсерами; выступал на различных рабочих собраниях и в райсовете от имени фракции большевиков, которая насчитывала тогда не более 7 человек.

Перед октябрем он избирается в члены Исполкома Райсовета. В октябре—он член Ревкома в районе.

Его политическая активность достигла своего кульминационного пункта накануне Октябрьских дней и в самые эти дни, в которые он был одним из членов Районного Резкома.

С таким же энтузиазмом он отдавался и работе Районной Думе и Управе, в роли председателя последней, а затем и в Райсовете, тотчас после роспуска дум, когда он был избран его председателем. Вся кропотливая организационная работа и в Управе и в Совете вынесена была им на своих плечах.

Ни на шаг не отходил *И. В.* и от активной партийной работы в районе. И не мало его мыслей и организационных предложений, впервые проводясь в районном масштабе, вскоре захватывали всю московскую организацию. Так было с его идеей военно-партийного обучения, с его планом устава московской организации, базирующимся в районе на так называемом делегатском собрании и т. д. И вообще инициатива его была неиссякаема.

С лета 1919 г. *И. В.* забирают для работы по Наркомздраву и осенью направляют инспектировать санитарное дело на Южном и Юго-Западном фронте. Во вторую половину зимы 1920 г. он возвращается в Москву, становится активнейшим членом коллегии М. О. Н. О., а затем и заместителем заведующего. Здесь он целиком погружается в свое любимое дело народного образования.

Им была проделана в М. О. Н. О. большая работа. Около *И. В.* сгруппировались лучшие специалисты этой школы.

Но расхождение с Наркомпросом в вопросах организации школьного дела вынудили его оставить работу по народному просвещению.

Измученный напряженнейшей работой *И. В.* несколько раз пытался отдохнуть, получал отпуски, но не выдерживал режима покоя и прерывал эти отпуска. Так случилось и в Кронштадтские дни. Все мы в районе неожиданно узнали, что он выпросился добровольцем на Кронштадтский фронт. Здесь он сражается в передовых рядах и после взятия части города из'являет желание быть военным комиссаром Морского госпиталя и направляется для осмотра тюремных больниц. *И. В.* пошел... Во время осмотра списков больниц, к нему подошли 5-ть матросов и спросили, коммунист ли он. Получив утвердительный ответ, они заявили, что он будет расстрелян и повели к коменданту (территория тюремного госпиталя находилась еще в руках мятежников). Тов. *Русаков* со свойственным ему спокойствием ответил: „Что-ж, стреляйте. Меня вы расстреляете, а коммунизм—никогда".

Это было 18 февр. 1921 г. Его простреленное несколькими пулями тело было привезено в Москву и погребено на Братской могиле на Красной площади.

Тов. *Русаков* чутко отзывался на все нужды товарищей рабочих... В тяжелые минуты он всегда был первым в райкоме; нет того места и завода, где не бывал тов. *Русаков*. Рабочие Сокольнического района знают тов. *Русакова*, как исключительно преданного делу революции, что он доказал своей героической смертью.

В революционной обстановке *И. В.* забывал о своей личной жизни. В голодные дни он сидел буквально на одной картошке и свекле. Его страдалица-жена иронизировала над собой, что она мечтает о кусочке сахара, и умерла от туберкулеза легких. Дети тоже были кандидатами на чахотку. И себе он отказывал во всем. И среди нас почти никого не нашлось, чтобы остановить это длительное самоубийство, это доподлинное вымирание семьи луч-

шего товарища, человека неподкупной честности, чуткого сердца, трезвого и инициативного ума, крепкой воли и закаленной твердой руки революционера-пролетария...

После смерти нашего *И. В.* его именем названы улицы, детские и др. учреждения. Осталось его доподлинное детище „Станция Юных Любителей Природы" в Сокольнической Роще и трое сирот: Сергей 16 лет, Евдокия 14 лет и Екатерина 12 лет,—плохо питаемые, одеваемые и обуваемые... „Станция" тоже в забросе. Всему этому должен быть положен конец. Отныне мы должны себе сказать, что мы помним своих мучеников не только на словах, но и в делах, не только воздвигаем им памятники, но и продолжаем их работу.

К. Касаткин, В. Котов.

12/X—22 года.

Тов. П. А. Бабаев.

Бабаев Петр Акимович родился в 1883 году в гор. Касимове, Рязанской губ. Сын ссыльного кавказца, свободолюбца, безграмотного чернорабочего. До 12—13 лет учился в уездном училище Касимова, но курса не окончил. Отец отвез мальчика в уезд на небольшой механический завод, где 3—4 года мальчик проходит тяжелую ученическую жизнь,—продолжительный рабочий день, обслуживание мастеров после работы, побои от всех и т. д.

В 18 лет он кончает учебу, но тут другие мытарства—в поисках работы. Он меняет ряд городов, фабрик, пароходов (кочегар, помощник машиниста). Тов. *Бабаев* всегда был любим товарищами, нелю-

бим начальством, как беспокойный, хотя и хороший работник-слесарь. В 1904 г. он призывается в Касимове на военную службу и попадает матросом в Балтийский флот. 1905 год застает тов. *Бабаева* новичком-матросом и членом организации Р.С.-Д.Р.П. (больш.). Он принимает деятельное участие в парт. организации и подвергается репрессиям; уже к концу войны он с эшелоном разжалованных в пехотинцы матросов попадает на японский фронт.

Тов. П. А. Бабаев.

В 25 лет, закончив военную службу,— сознательный член организации, много успевший просидеть в карцерах и на гауптвахтах; хороший слесарь (работал в военных мастерских) он снова начинает скитаться в поисках за работой: Волга, Кавказ, Донецкий бассейн, Екатеринослав и, наконец, в 1912—13 г. зимой устраивается в Москве, в Сокольнических трамвайных мастерских. В 1914 году т. *Бабаев*, как запасной солдат, призывается на военную службу и попадает на западный фронт. Только зимою 1916 г., как высококвалифицированный рабочий, он был отозван с фронта в Питер на патронный завод.

После февральской революции он весь уходит в политическую работу, проходит все выборные должности завода до члена Питерского Совета раб. депутатов, а как член организации большевиков— до члена райкома. В июльские дни патронный завод—

один из первых по выступлению, и т. *Бабаев*, как агитатор и организатор,—с заводом на боевом крещении уже от рук временного правительства социал-предателей.

В Питере же тов. *Бабаев* провел Октябрьские дни. В 1918 г. при разгрузке Питера и завода т. *Бабаев* должен был эвакуироваться из любимого города. Он перебирается в Москву и поступает слесарем на старое место в Сокольнические трамвайные мастерские. Но и в Москве, благодаря своим агитаторским и организаторским способностям, а главное—необыкновенному знанию рабочей среды, ее нужд и болезней, он быстро завоевывает симпатии и уважение товарищей, избирается членом и секретарем фабзавкома; вскоре он избирается секретарем Сокольнического райкома, членом Исполкома Сокольнического Совета, а затем и председателем Совета, а в дальнейшем—член М.К.Р.К.П. от Сокольнического района и член Исполкома Московского Совета. На эти выборные должности т. *Бабаев* вступает в конце 1918 г. и остается до своей смерти,—весною 1920 г.

Т. *Бабаев* за период работы в Москве получает ответственные командировки в провинцию. В 1919 г. он посылается для налаживания работы в Воронежскую и Тамбовскую губернии; там он выбирается председателем Тамбовского Губисполкома. Горячий и резкий порой, он с удивительной любовью относится к товарищам. Общее уважение и любовь были заслуженным ответом ему.

Уже давно туберкулез подтачивал его здоровье. Товарищи Сокольнического Райпарткома и Совета найстойчиво требовали, чтобы он отдохнул, полечился, но он неизменно отказывался, ссылаясь на отсутствие заместителя и работников вообще. Еле передвигаясь продолжал он ходить на работу в январе 1920 г., когда туберкулез распространился уже и на горло. И только сваленный в кровать

тяжелым недугом перестал появляться, но, живя в доме-коммуне Сокольнического Совета, продолжал руководить работой через товарищей, как-то стыдясь, что так долго завалялся в кровати, а силы уже покидали и страдания становились невыносимыми. 25 апреля 1920 г. в 10 час. утра тов. *Бабаев* умер. Так сгорел на работе старый борец-пролетарий.

Н. Ставрович.

О. К. Верзамнек.

Октябрьский переворот вырвал из рядов рабочих не мало жертв. Много самых способных и энергичных рабочих погибло. Одним из таких был товарищ *Отто Карлович Верзамнек,* рабочий трубочного завода Михельсон, старый член РКП.

Высокий, стройный, с свободными движениями, он как бы олицетворял собою силу и мощь рабочего класса.

Рано утром, когда еще спят гиганты заводы, он уже на велосипеде спешит на завод к самым темным и неорганизованным массам.

Помогает организовываться, инструктирует, воодушевляет. Где самая грозная опасность, *Верзамнек* всегда первый.

Июльские дни. Кругом шипят меньшевики, эсеры, удерживающие рабочих от выступления; выходит *Верзамнек,* хладнокровено произносит несколько слов, и жалкими становятся враги.

Даже противники чувствовали в нем воплощение чистоты, беззаветной революционной преданности и героизма.

Не удивительно, что он является одним из

главных организаторов Красной Гвардии в Алексеевско-Ростокинском подрайоне и низовым руководителем масс.

Власть в районе захвачена. *Верзамнек* спешит с отрядом на помощь Городскому району, где назначается начальником красногвардейцев. Здесь хаос, суета; он вносит ясность, организованность.

Льющийся поток рабочих с окраин быстро распределяется, каждый находит свое место и дело.

Налажена разведка, проникающая в самый стан противника; на нужные места своевременно бросаются силы.

Борьба разгорается.

Нужно во что бы то ни стало выбить белых с почтамта. *Верзамнек* с отрядом бросается в аттаку. Разрывная пуля поражает его в живот... Раненый, шатаясь движется вперед, ободряя товарищей. Станция в наших руках. Мы победили. Победа досталась дорогой ценой...

Верзамнек похоронен с почетом михельсоновцами.

Кровью лучших товарищей мы завоевали позиции; открывающие пути к окончательной победе.

Самарин.

7/IX - 22 года.

Тов. Сиомук.

Тов. *Сиомук* -по профессии металлист. Революционная деятельность его началась с 1913 года в гор. Смоленске; организация, в которой он состоял членом, называлась Библиотечная секция. Это было пристанище, куда скрывались все социалистические группы, существовавшие в то время на нелегальном положении, как-то: с.-д. большевики,

меньшевики, эсеры и анархисты. В одну из групп большевиков входил т. *Сиомук*. Все поручения группы большевиков т. *Сиомук* выполнял, как сознательный революционер,—расклейка-ли прокламаций, распространение-ли литературы, пропаганда-ли среди солдат,—все он считал важным. Он был неуловим для полиции до 1915 г.

В этом году вся смоленская организация потерпела полный разгром за распространение прокламаций среди солдат, с призывом против империалистической войны.

Большая часть организации была арестована и выслана. Тов. *Сиомуку* удалось с некоторыми товарищами скрыться в Москву.

В мае м-це 1915 года он поступает в Сокольнические мастерские, в электроцех, в качестве обмотчика якорей и поддерживает связь с группой смоленских студентов-большевиков, проживающих на Малой Бронной ул. Дальше идет страница неустанной работы по созданию партийной большевистской организации в электроцехе. Результаты этой работы сказались: в течение двух-трех месяцев тов. *Сиомуку* удается организовать цеховую ячейку в количестве 10-ти человек, каковую он и представлял в заводском коллективе большевиков; он являлся также связующим звеном с смоленской партийной организацией: выполнил несколько партийных командировок, с целью связаться со смоленскими большевиками.

Тов. *Сиомук*—активный участник трамвайных забастовок, где открыто выступал на собраниях, за что подвергался частым обыскам, но безрезультатно для полиции.

В период февральской революции общим собранием рабочих он избирается в заводский комитет, где принимает деятельное участие в создании культурно-просветительной комиссии.

В Октябрьские дни участвует в одном из отря-

дов Красной Гвардии. После победы отправляется добровольно на Восточный фронт, на продработу в один из отрядов.

В 1919 г. Новгород-волынская организация посылает тов. *Сиомук* в одну из волостей для выяснения вспыхнувшего восстания. Здесь он был зверски убит восставшими контр-революционерами.

Нет уже тов. *Сиомука*,—не слышно веселых шуток, коими он в дни царской реакции воодушевлял малодушных товарищей. Не стало всегда улыбающегося и неустрашимого пролетария, верного заветам Маркса.

Только революционным путем возможно свержение капитализма,—„ибо без жертвы нет борьбы", так всегда говорил тов. *Сиомук*.

Память о нем всегда будет жить среди товарищей.

М. Андреев.

Тов. Л. И. Лозовский.

Тов. Л. И. Лозовский одинадцатилетним мальчиком остался круглым сиротой. Терпя нужду и лишения, зарабатывая себе на жизнь чертежными работами, он сумел окончить школу живописи и ваяния в Москве. В 1905 году т. Лозовский, будучи на военной службе, состоял членом РС-ДРП. Разгром революци, реакция, наступившая после нее, коснулись тов. Лозовского, и он отходит от революционной деятельности.

До войны 14 года он служит архитектором в страховом о-ве. Война 14 года вырывает его из мирной жизни, и он попадает на фронт в качестве офицера. На фронте тов. Лозовский командует инженерной ротой. Революция 1917 года застает

его на этой работе. Солдаты единогласно избирают его ротным командиром. Тов. Лозовский вступает в РС-ДРП (интернационалистов), где занимает левое крыло. На фронте он организует Совет Солдатских Депутатов.

Не задолго до Октябрьской революции т. Лозовский приезжает в Москву и начинает работать в Сокольническом районе.

Тов. Л. И. Лозовский.

Тов. Лозовский часто выступал на митингах, где разоблачал гнусную политику коалиционного правительства. Его выступления дали основание впоследствии говорить нашим товарищам, что Лозовский был очень плохим меньшевиком и хорошим большевиком. И в самом деле, Октябрьские дни и последующая его деятельность показали, что он был не на словах, а на деле предан делу рабочего класса. В момент, когда в октябре 17 года рабочие Москвы взялись за оружие, он не прятался, не становился в сторону с тем, чтобы в случае поражения рабочего класса сказать: „Не надо было браться за оружие".

Первые слова, с какими он обратился к Военно-Революционному Комитету были: „Товарищи, я не большевик, но вот, в момент, когда рабочий класс вышел с оружием в руках на баррикады, я не могу стоять в стороне. Используйте меня так,

как сможете". С ним пришли его два сына, которые пошли с отрядами нашего района на баррикады. С того дня т. Лозовский становится членом нашей партии.

Ему поручают ответственнейшую работу. Его избирают в Райком. В 1918 г. по партмобилизации он попадает на Северный фронт. Там он, работая по своей специальности, все время принимает самое активное участие в политической работе.

Затишье, наступившее на Северном фронте, тяготит тов. Лозовского, и он, несмотря на свои 43 года, рвется туда, где обстановка чрезвычайно напряжена, где борьба только разгорается.

Он попадает в 9 армию Южного фронта. Там тов. Лозовского назначают комиссаром 16 дивизии, которой командовал Киквидзе. Редкий из участников борьбы на Южном фронте не знает безумно отважных выходок Киквидзе, когда он с пулеметом врывался в толпы казаков и, наводя на них панику, заставлял их отступать. Тов. Лозовский был его неизменным спутником, и своей личной отвагой завоевал всеобщее уважение как красноармейцев, так и самого Киквидзе. Нужно сказать, что ни один комиссар, за исключением т. Лозовского, не мог работать с Киквидзе.

Вспыхнувшее восстание в Верхне-Донском округе застает т. Лозовского на политической работе. Ему было предложено руководить подавлением восстания, и он вступает в командование экспедиционными войсками.

В июне месяце 1919 года один из полков его корпуса, Сердобский, благодаря измене комсостава, переходит на сторону врагов.

Тов. Лозовский, не зная об измене полка, приезжает в полк, находящийся в хуторе Ерецком, где его раненого забирают в плен и под конвоем приводят в штаб полка.

Там связанный, раненный он бросает в лицо

своим палачам: „Изменники, вы меня можете расстрелять, но Советской власти вы не расстреляете, и она будет жить".

Озлобленные палачи издеваются над ним. Тов. Лозовский вырывает у зазевавшегося конвоира ручную гранату и бросает ее в палачей. Граната не взрывается. Его вновь избивают и полуживого расстреливают.

Так погиб тот, кто не мог стоять в стороне от кровавой борьбы за освобождение всего рабочего класса.

Тов. Лозовский в Октябрьские дни пришел защищать дело рабочего класса со своими двумя сыновьями. Один из них, Борис, отдал свою жизнь за революцию вскоре после трагической смерти отца.

Вечная память тебе, дорогой товарищ!

Рабочий класс оценил твои заслуги перед революцией, и в день пятилетней годовщины нашей победы пусть в сердцах всех знавших тебя еще ярче запечатлится дорогой образ.

Л. Ароштам.

Памяти товарища-брата.

Московские газеты принесли печальную весть. 18 мая 1919 года в бою у Вятских Полян смертью храбрых пал военком 28 стрелковой дивизии *Илья Наумович Ароштам*. Погиб за дело трудящихся еще один незаметный герой, преданный борец за дело пролетариата.

Он вышел из буржуазной семьи. В партию формально он вступил в мае—июне 1917 года, но еще накануне февральской революции, будучи студентом Психоневрологического института, он ездил с поручениями партийного характера из Питера в

Харьков. В начале своей партийной жизни он работал, главным образом, в военной организации сначала в Нижнем, будучи солдатом 1-го учебного студенческого батальона, а впоследствии в Питере—в качестве юнкера 3-й Петроградской школы прапорщиков. Во время Октябрьской революции он, во главе с несколькими другими товарищами-юнкерами, захватывает петергофскую телефонную станцию и, перехватывая и исправляя телефонограммы правительства Керенского к петроградским юнкерам, задерживает на продолжительное время выступление юнкеров на Петроград. А когда, наконец, петроградские юнкера выступили, было черезчур поздно.

Илья назначается после переворота комиссаром телефонной станции в Петергофе. Через несколько времени, когда началась ликвидация военно-учебных заведений, его посылают в Казань, где он успешно проводит эту ликвидацию. Затем он переезжает в Москву. Там, начиная приблизительно с декабря 1917 года вплоть до своего отъезда на фронт—в июле 1918 года, он работает в Сокольническом райсовете.

Товарищи из Сокольнического района хорошо знают, сколько труда и старания вкладывал безвременно погибший (ему было всего 24 года) товарищ во все, что ему поручалось. Для него не было ни маленьких, ни больших дел. Все было для него важно и, с его точки зрения, одинаково заслуживало внимания. По натуре мягкий, быть может, даже женственный, он рвался на фронт. Несколько раз он подавал об этом заявление, но ни исполком, ни райком не считали возможным отпустить его из района. Наконец, ему удалось отправиться туда, куда рвался,—на фронт, и с июля 1918 г. он оставался там до тех пор, пока 18 мая не погиб.

О его работе на фронте я ничего не знаю, так как спустя несколько времени я тоже ушел на фронт и потерял с ним всякую связь.

В его лице наша партия потеряла еще одного скромного, преданного работника.

Спи; дорогой Илюша. Память о тебе останется в сердцах всех тех пролетариев и крестьян, которые тебя знали, с кем ты руку об руку боролся за освобождение трудящихся. Ты умер. Но знамя, под которым ты боролся, поднимается все выше и выше и зовет под свою сень миллионы и миллионы трудящихся. Ты умер на посту с сознанием неизбежности победы и нашего торжества.

Вечная память тебе, товарищ брат!

Григорий Ароштам (Гришин).

Памяти брата-товарища.

В июне 1919 года газеты принесли весть о гибели политкома 28 стрелковой дивизии товарища *И. Н. Ароштама.*

В июне же месяце на Южном фронте погиб политком батареи 14 гаубдивизиона т. *Борис Наумович Ароштам.*

Гимназист VII-го класса, 19 летний юноша, отдал свою молодую жизнь за революцию.

Не многие знали его.

Душою—мечтатель, *Боря* всегда любил одиночество.

С малых лет его любимые товарищи—книга и рояль. Революция выбивает его из обычной ему среды, и он становится в ряды коммунистической молодежи в Харькове, а впоследствии делается членом нашей партии. В короткий срок, благодаря своему развитию и личным качествам, он становится общим любимцем товарищей по союзу и старших членов партии. Его избирают секретарем союза.

Наступление германцев на Украину заставляет *Борю*, славного, мягкого *Борю*, уйти из дому и с винтовкой в руках защищать революцию. Отступая с Харьковскими рабочими, он доходит до Царицына. Непривычная суровая боевая обстановка подрывает слабое здоровье брата; он вынужден оставить отряд. Он приезжает к нам в Москву, где вплоть до своего от'езда тихо, незаметно работает в качестве пом. секретаря Сокольнического райпарткома.

В сентябре 1918 г. Сокольничекский военкомиссариат отправляет на Южный фронт гаубичный артиллерийский дивизион.

В числе коммунистов находится еще не совсем выздоровевший *Боря*.

Уже в 1919 году в январе я с Вост. фронта попал на Южный и очутился в одной с ним дивизии.

Во время зимнего отступления из под Новохоперска он был ранен в голову, но остался в строю.

В дивизионе его избирают на ряд выборных должностей. Впоследствии он избирается секретарем комячейки.

Честный, мягкий *Боря* завоевывает всеобщую любовь красноармейцев. Нередко, в свободные от боевых будней минуты, в хуторе он развлекал товарищей игрой на рояле.

Во время майского отступления с Донца, он был отправлен с остатками батареи в тыл.

Боря попадает со своей частью в руки восставших.

Все пленные уводятся в лес у ст. Сергиевской что на реке Медведице, и там *Борю*, как коммуниста, расстреливают. Он знал, что его расстреливают, как коммуниста, и по славам бежавших из плена товарищей, очевидцев его расстрела, он прямо и смело смотрел смерти в глаза.

В лесах Медведицы оборвалась молодая, хрупкая жизнь *Бори*.

Лазарь Ароштам (Бретер).

КАБИНЕТ ИСТОРИИ К. А. ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

СОДЕРЖАНИЕ.

Сокольнический район в октябре.

Стран.

Воспоминания группы активных работников:
1. Район до октября 5
2. Подготовка выступления 12
3. Боевые дни 14
4. После победы 28

Постановление общего собрания Районного Совета 31
Сокольнич. мастер. Воспоминания т. М. Андреева 32
Воспоминания тов. К. Коха 36
Воспоминания тов. П. Жикина 39
Русаковский трамвайный парк. Воспоминания т. Новикова 43
Воспоминания тов. Ф. Зенюк 47
Воспоминания тов. Морозова 48

Алексеево-Ростокинский подрайон.

Воспоминания тов. Самарина 52
Зав. Михельсон в Окт. дни. Воспоминания тов. Тарачкова 55
Воспоминания тов. Эйхмана 58
Воспоминания тов. Ускова 60
Осада кадетского корпуса. Воспоминания тов. Игнатова. 61

Железнодор. район в Октябрьские дни.

Воспоминания тов. Н. Зимина 63
Шесть дней борьбы. Воспом. тов. Попова 68
Телеграф в Октябрьские дни. Воспом. тов. С. В. Москва 72
На Сортировке. Воспоминания тов. Наперсткова 74
Октябрьский переворот. Воспом. Бюро ячейки Перовских маст. . . . 78
27 февраля 1917 г. Воспом. тов. Мажокина 82
Партработа на Никол. ж. д. Воспом. тов. Бочарова 86
На Московском участке Ник. ж. д. Воспом. тов. Л. Прохорова. . . . 89
С оружием в руках. Группа товар. из ячейки 93
Глава из воспом. о раб. ж.-д. районе. О. Пятницкий 95

Городской район.

Страдные дни. Воспоминания тов. М. Драчева. 97

Памяти погибших.

Тов. Барболин 103
Тов. Жебрунов 105
Тов. Маленков 106
Тов. Русаков 109
Тов. Бабаев 114
Тов. Верзамнек 117
Тов. Сиомук 118
Тов. Лозовский 120
Памяти товарища-брата 123
Памяти брата-товарища 125